

Герман Матвеев

Зеленые цепочки.

1. ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО.

Фронт приближался к Ленинграду.

Вдоль железных дорог, по шоссе, лесными тропинками и напрямик по болотам возвращались ленинградцы домой с оборонных работ. Вперемежку с ними шли беженцы. Бросив родные места, уходили они от врага целыми семьями, с малолетними детьми на руках, с громадными узлами. Измученные, запыленные, шагали они, понутив головы, в Ленинград, надеясь там найти защиту и кров.

В другую сторону, навстречу немцам, двигались воинские части и отряды народного ополчения.

Фашистские самолеты то и дело появлялись в воздухе, сбрасывая бомбы на дороги и поливая свинцом толпы беженцев. Услышав нарастающий гул самолетов, пешеходы шарахались в лес, ложились в канавы. И снова шли вперед, как только самолеты скрывались.

Три молодые девушки-студентки шагали босиком по пыльной проселочной дороге. На привале к ним присоединились двое пожилых мужчин с чемоданчиками. Один из них, однорукий инвалид гражданской войны, был с веселым характером, болтливый и предупредительный. Другой, наоборот, всю дорогу хмурился, о чем-то сосредоточенно думал и ни с кем не разговаривал. Дядя Петя, как назвал себя однорукий, непрерывно рассказывал смешные истории и анекдоты, расспрашивая девушек об их жизни до войны, об учебе и о Ленинграде. Он отпускал злые шутки вслед немецким летчикам, называя их «колбасниками», и, казалось, совсем не обращал внимания на настроение своего спутника. А тот мрачнел все больше и больше, чем ближе подходили они к Ленинграду.

К вечеру, лесными тропинками, они прошли Сиверскую и остановились отдохнуть.

— Пойдем-ка со мной, — сказал однорукий приятелю, заметив его злой взгляд.

Не оглядываясь и не повторяя приглашения, он углубился в лес.

Хмурый прислонил свой чемодан к дереву и неохотно поплелся следом за своим товарищем. Вскоре студентки услышали их громкие голоса. Слов они не могли разобрать, да особенно и не прислушивались к чужому спору. Спор вдруг оборвался. Минут через десять хмурый вышел из леса один и, взяв свой чемодан, предложил девушкам двинуться дальше.

— А где же дядя Петя? — спросила одна из них.

— Он нас догонит.

Вышли на шоссе, но однорукий не появлялся. Хмурый молча шел то впереди, то отставал на несколько шагов, часто оглядываясь по сторонам. Темнота наступила быстро. Сзади на горизонте видны были зарева пожаров и какие-то вспышки. Глухо доносились раскаты пушечной стрельбы. На повороте хмурый сошел с дороги и крикнул уходившим вперед девушкам:

— Не торопитесь... Я сейчас.

Девушки не придали значения этим словам и продолжали быстро шагать дальше. Вдруг раздался отчаянный крик. Девушки услышали в темноте какую-то возню и хриплый мужской голос:

— Настя!.. Помогите!.. Сюда-а!.. Настей звали одну из студенток. Она была старше и решительнее своих подруг.

— Это наш! — сказала она. — Что такое? Пошли, девчата.

Все трое быстро побежали в обратную сторону.

Хмурый был еще жив, но говорить уже не мог. Он захлебывался своей кровью. Настя успела разобрать только одно слово: «чемодан». Нож вошел в его грудь по самую рукоятку, и прежде чем девушка нащупала ее, все было кончено. Хмурый их спутник умер.

Перепуганные, растерявшиеся, стояли они над трупом, не зная, что им делать дальше. Последние дни они видели много ужасного. Им приходилось много раз наскоро перевязывать раненых, и некоторые умирали у них на руках, но там они знали причину смерти и видели убийц на самолетах. Это же убийство было совершено с какой-то таинственной целью, неизвестным лицом.

— Чемодан! Он сказал: «чемодан» — в раздумье промолвила Настя. — Девчата, ищите-ка чемодан.

Девушки обшарили в темноте асфальт и обочину дороги возле трупа, но чемодана не нашли. Нельзя было терять времени на поиски. Они оставили убитого на дороге и пошли. Пройдя шагов двадцать от места преступления, Настя, шедшая с краю дороги, споткнулась обо что-то твердое и ушибла палец. Она нагнулась и в темноте разглядела контуры чемодана. Ушедшие вперед подруги остановились.

— Ты что?

— О камень споткнулась, — громко сказала Настя и подняла чемоданчик.

Почему-то ей подумалось, что лучше пока молчать про ее находку. Вокруг чемодана есть какая-то тайна, и, кто знает, может быть, убийца следит за ними и слушает. притаившись где-нибудь поблизости.

В полной темноте, по нагретому за день асфальту, шли молча три подруги, все время ускоряя шаги. Одна сказала:

— Может быть, дядю Петю тоже убили?

— Все может быть, — отозвалась Настя.

— У него тоже был такой же чемоданчик.

— Молчите вы...

— Что-то я боюсь, девочки...

Чемодан был тяжелый, словно там лежало железо, Он оттягивал руку, и все-таки Настя терпеливо несла его в город.

...Все это она, сильно волнуясь, рассказала сейчас майору государственной безопасности, сидя перед ним в кожаном кресле.

Майор, еще не старый человек с седыми висками, внимательно выслушал рассказ девушки и задумался. Чемодан, принесенный Настей в Ленинград и полученный им вчера вечером, стоял около письменного стола.

— Значит, дядю Петю вы так и не видели больше? — спросил майор.

— Нет. Я боюсь, что его тоже убили. Майор как будто не слышал этой фразы.

— Убитый тоже называл его дядей Петей?

— Не помню... Нет! Он, кажется, никак его не называл. Вообще убитый был странный человек. Он все время молчал. Мы сначала думали, что он немой.

— Как он выглядел?

— Кто? Убитый?

— Как выглядел убитый, я уже знаю. Меня интересует однорукий.

— Он был невысокого роста... бритый... немолодой уже...

— Сколько же ему было лет, на ваш взгляд?

— Я думаю, лет сорок... ну, сорок пять. Волосы у него были коротко подстрижены... Ах да!.. Во рту два золотых зуба... Вот, кажется, и все.

— Как он владел рукой?

— Очень хорошо. Просто мы даже удивлялись, как он ловко все делает одной рукой.

— Во что он был одет?

— Костюм... синий и, кажется, не новый. Да разве там разберешь? Всё в пыли...

— Вы не заметили у него часов?

— Да, были. Он часто на них смотрел.

Майор открыл письменный стол, достал мужские карманные часы, черные с золотым ободком, и, чуть приподнявшись в кресле, положил их перед девушкой.

— Такие? — спросил майор с улыбкой.

— Это они и есть. Точно такие же... Это они.
— А разве у убитого не было часов?
— Кажется, нет... А впрочем, не помню.
— По дороге, в разговорах между собой, они не называли никаких адресов?
— Дядя Петя как-то сказал, что у него есть родные в Ленинграде, но кто они и где живут, — не сказал.
— Так. Я попрошу вас все, что вы мне рассказали сейчас, написать на бумаге. Постарайтесь припомнить всякие подробности, мелочи... Чем питались ваши спутники... Вспомните цвет глаз, волос инвалида... Словом, решительно все, что вы запомнили.
— Хорошо, — девушка кивнула головой.
— Пойдемте со мной.

Они вышли из кабинета. В конце коридора майор открыл дверь и жестом пригласил Настю войти.

— Располагайтесь, как дома. Если хотите отдохнуть, вот диван — пожалуйста, не стесняйтесь. Здесь обед, — сказал майор, указывая на судки, стоявшие на столе. — Если вам что-нибудь понадобится или вы закончите работу, позвоните мне по телефону, а главное — постарайтесь вспомнить все как можно подробнее. «Дядя Петя» меня очень интересует.

Майор государственной безопасности вернулся в кабинет и раскрыл чемодан, который принесла ему девушка. Там лежала карта Ленинграда. Он разложил ее на столе и занялся изучением разноцветных пометок. Он обратил внимание на три крестика. Это были оборонные объекты на Петроградской стороне. Внизу была сделана надпись: «Первые четные числа недели. Второй эшелон. Зеленые цепочки с северной стороны».

Кроме карты, в чемодане лежали длинные алюминиевые патроны, по форме похожие на охотничьи. На патронах были ярко-зеленые полосы. Майор снял с телефона трубку и набрал номер.

Через несколько минут в кабинет вошел молодой человек в штатской одежде.

— Товарищ майор государственной безопасности, по вашему приказанию...

— Да, да. Вот в чем дело, товарищ Бураков. Возьмите этот патрон, поезжайте за город, разрядите из немецкой ракетницы где-нибудь в воздух и посмотрите, что это за пиротехника. Вероятно, — зеленые цепочки.

2. МИША АЛЕКСЕЕВ

Мать не возвращалась домой. На четвертый день Миша Алексеев пошел на завод узнать, что с ней случилось. Там ему сказали, что бомба попала в цех, где она работала, и ее увезли в тяжелом состоянии в больницу. В больнице сообщили, что Алексеева Мария умерла в тот же день, не приходя в сознание.

Вернувшись домой, Миша сел к окну и задумался. Его четырехлетняя сестренка Люся возилась у своей кровати с тряпочной куклой. Лицо и руки у девочки были перемазаны сажей, грязное платье надето задом наперед, волосы спутаны и растрепаны. Три последних дня Миша не замечал этого, но сейчас, когда почувствовал ответственность за судьбу сестренки, сердце у мальчика сжалось. «Никого теперь у нее нет, кроме меня», — подумал он и сказал:

— Люся, у нас нет больше мамы.

— Мама пошла на работу, — ответила девочка не оглядываясь.

— Мама больше не придет, Люся.

Вспомнилось, как отец, уезжая на фронт, похлопал его по плечу и, нагнувшись, тихо сказал: «Ты теперь большой, Михаил. В случае чего, матери помогай. Я на тебя надеяться буду. В пятнадцать лет я уже деньги зарабатывал».

— Миша, дай карандаш, — попросила девочка. Миша пошарил в карманах и среди осколков, патронов, собранных за последние дни, нашел огрызок карандаша и дал его сестренке. Та вытащила спрятанный клочок бумаги, положила его на подоконник и,

забравшись на колени к брату, начала усердно рисовать какие-то каракули. Миша смотрел в окно, слушал, как девочка сопит носом от усердия, и думал. За окном завывала сирена.

— Вот! Миша! Слушай, — сказала девочка и потянулась к окошку.

Улица зашевелилась, как разворошенный муравейник. Люди с сумочками, с мешками для продуктов побежали в разных направлениях, чтобы поспеть домой, пока дежурные с красными повязками на рукавах не заставили их укрыться в подворотнях и в подвалах. Миша узнал своих приятелей, проскочивших в одну из парадных дверей. Там был ход на чердак, и он знал, что ребята полезли на крышу. Ему тоже захотелось присоединиться к ним, но сестренка сидела на коленях, и сейчас ему жалко было оставить ее одну.

Где-то далеко захлопали зенитки.

Миша думал: родных в Ленинграде не осталось. В такое трудное время ему не прокормить сестренку. Сам он не пропадет. Но что делать с девочкой?

Неожиданная мысль мелькнула в голове и, после короткого колебания, превратилась в решение.

— Собирайся, Люська, — решительно сказал он, спуская сестренку на пол.

— А зачем?

— Гулять пойдем. Бери своих кукол, все забирай. Девочка некоторое время стояла в нерешительности, наблюдая, как Миша разложил большой платок и из комода стал вытаскивать ее платья, чулки, белье. Сообразив, что они куда-то пойдут, она захопотала и принялась одевать тряпочную куклу.

— Мы к маме пойдем. Да, Миша?

— Да, да. Собирайся живей. Ничего не оставляй. Где твои валенки-то? — говорил он, торопливо укладывая ее вещи. Потом он взвалил узел с вещами на плечо, взял девочку за руку и, закрыв комнату на ключ, вышел из дому.

Тревога уже кончилась. Всю дорогу Люся оживленно болтала, спрашивала о чем-то брата, но он не слушал ее. Выйдя на Пушкинскую, Миша остановился перед большим домом.

— Вот и пришли. Ты здесь будешь жить, Люсенька, а я к тебе в гости буду ходить. Поняла?

— Да. Они поднялись по лестнице.

Заведующая детским садом внимательно выслушала мальчика.

— Как твоя фамилия? — спросила заведующая.

— Алексеев Михаил.

— Почему же ты привел ее именно к нам?

— А я раньше, когда маленький был, каждый день сюда ходил. Только тогда другая заведующая была.

— Может быть, в другом доме ей лучше будет?

— Нет. Я сюда ходил, пускай и она здесь останется. Да вы не думайте, что я насовсем ее оставлю. Разве я Люську брошу?.. Мне бы только сначала устроиться, а потом жить мы будем вместе.

Из-за дверей доносился шум детских голосов. Ребята недавно вернулись из подвала, куда спускались по тревоге, и, видимо, делились впечатлениями. Все это было ново для Люси, и она, прижавшись к коленям брата, молчала и широко открытыми глазами оглядывала незнакомую обстановку.

Заведующая, улыбнувшись, сказала:

— Пускай будет по-твоему. Оставляй свою сестру. Карточки взял?

Миша положил на стол продуктовые карточки.

— Как зовут сестру?

— Людмила.

— Сколько лет?

— Четыре года.

— На чьем иждивении находится?

— Теперь, значит, на моем.

— Адрес?

Когда все было записано и оформлено, позвали воспитательницу — взять девочку.

Время было прощаться. Миша нагнулся к сестренке. В горле стоял комок, глаза его покраснели.

— Люсенька, ты тут не озорничай, слушайся тетю. Я буду в гости приходить. В обиду никому не давайся, а в случае чего — мне скажи.

Девочка молча кивала головой в знак согласия. Чмокнув в нос сестренку, Миша вышел из комнаты. На улице он потянулся, вдохнул всей грудью холодный осенний воздух и зашагал домой.

Теперь можно было подумать и о себе.

3. «ЗАЖИГАЛКИ»

На крышу дома Мишка с двумя приятелями притащил доску, несколько кирпичей и устроил около трубы скамейку. Тревоги следовали одна за другой, и, как только раздавался вой сирены, ребята вылезали через слуховое чердачное окно на крышу и занимали наблюдательный пост на своей скамейке.

Весь город был перед ними как на ладони. Неподалеку виднелась Петропавловская крепость, за ней — Исаакиевский собор, влево за Невой поднималось над крышами высокое бетонное здание НКВД, еще левее — водонапорная башня, трубы ГЭС, купола Смольного.

Ребята считали себя полными хозяевами крыши и всех осколков, падающих на нее.

Однажды вечером из слухового окна вылез еще один доброволец — высокий плотный мужчина в коричневом пальто.

Мишки не было, и два молодых пожарника встретили незнакомца недоброжелательно, не зная, как поступить с ним. Отправить без разговоров вниз или подождать Мишку? Пускай тот сам решает.

— Здорово, воробы! — приветливо поздоровался незнакомец. — А вы тут устроились славно. На скамеечку можно присесть?

— Тут Мишкино место.

— Ничего. Придет Мишка — я встану. С этими словами незнакомец подсел к ребятам и, вытащив из кармана папиросы, предложил им:

— Курите!

Васька взял две папиросы. Одну сунул в рот, другую протянул Степке. Закурили. Незнакомец ребятам понравился, и не потому, что он «купил» их папиросой, а глаза его понравились. В голосе, в жестах незнакомца чувствовалась большая уверенность в себе, и в то же время он был какой-то простой, доступный.

«Не задается», — подумали ребята.

— Хорошо тут, — сказал незнакомец. — И видно далеко. Только над головой я бы вам крышу советовал устроить. Zenитный осколок может прилететь.

— Не прилетит, — твердо заявил Васька.

— Смотри! Если прилетит, второго ждать не придется.

— А вы тоже в пожарники записались? — ревниво спросил Степка.

— Я сегодня выходной, вот и поднялся посмотреть. Вначале разговор клеился плохо, но скоро оживился. Незнакомец стал расспрашивать ребят о их жизни. Узнал, что оба они живут в этом доме, что у Васьки Кожуха мать на казарменном положении при заводе, а у Степки Панфилова работает в охране и по ночам дежурит. Рассказали ребята про школу, про управхоза, про Мишку, на месте которого сидел незнакомец. Смертью Мишкиной матери и его сестренкой он особенно заинтересовался. Чем больше говорили ребята, тем больше им хотелось рассказывать, потому что такого внимательного, отзывчивого слушателя они встретили впервые. Обычно взрослые, с которыми они встречались, не слушали их, а если и слушали, то не проявляли никакого интереса к тому, что говорили ребята. Этот же, наоборот, спрашивал сам и слушал с таким живым интересом, что не замечалась разница в годах.

Может/ быть, он и на самом деле забыл, что у него седые волосы на висках, вспомнил свое детство и с удовольствием болтал с мальчиками?

— Ну, развязали языки! — неожиданно раздался Мишкин голос.

Они не заметили, как он появился на крыше и некоторое время прислушивался к разговору.

— Ага! Чувствую, что главный начальник пришел. Садись. Я твое место занял, — сказал незнакомец вставая.

Мишка нахмурил брови, оглядел его с ног до головы и сел на скамейку. Незнакомец молча перешел к другой трубе и стал смотреть в сторону Финляндского вокзала.

— Кто такой? — тихо спросил Мишка.

— Не знаю. Не с нашего дома. Я его первый раз вижу.

— А может, он пожарник из МПВО? — сделал предположение Степка.

Это было вероятно. Последние дни часто приходили всякие инспектора и начальники проверять подготовку дома к обороне.

Незнакомец вернулся к ребятам.

— В обязательном порядке сидите на крыше или так... добровольно?

— А тебе какое дело? — обрезал Мишка.

— Вот так раз! Трудно ответить? — удивился незнакомец.

— Пойди спрашивай управхоза, если надо...

— Ага! Значит, это военная тайна.

Мишка почувствовал в тоне насмешку и решил не разговаривать. В это время загудели в разных концах города заводы, пароходы на Неве, ручные сирены в домах, и сейчас же захлопали зенитки.

Незнакомец посмотрел на часы и сказал:

— Прилетели, как по расписанию.

Сумерки сгущались. Город притаился. Гулко и нервно щелкал метроном по радио, и щелканье это еще больше подчеркивало наступившую тишину. Лучи прожекторов шарили по небу, перекрещивались, красные вспышки разрывов осветили горизонт несколько раз подряд.

— Бомбит, — сказал Мишка, Мужчина стоял молча, облокотившись на трубу, В это время зенитки открыли огонь в другой стороне города, и ясно донесся гул летевших самолетов. Приближался второй эшелон бомбардировщиков. Гул нарастал, и вместе с ним нарастала стрельба. Заговорили пушки, расположенные на кораблях и по эту сторону Невы. Оглушительно захлопали зенитки, стоявшие где-то совсем близко.

И вдруг навстречу самолетам снизу полетели ракеты. Белые, красные, желтые, — они описывали дугу и гасли в воздухе.

— Смотрите, ребята, Ракеты пускают, мер-рзавцы.. — сказал сквозь зубы незнакомец.

Мальчики видели ракеты и раньше, но не придавали им особенного значения. «Значит, так надо», — думали Они, уверенные в том, что ракеты пускают наши наблюдатели. Замечание незнакомца заставило ребят насторожиться.

— Зачем пускают? — спросил Васька.

— Объекты немцам показывают. Шпионы... В это время слева, часто, одна за другой, полетели ярко-зеленые ракеты, образуя цепочку.

— Смотрите, смотрите! — крикнул Степка.

— Зеленая цепочка, — сказал незнакомец. — Заметили, с какой улицы ее пустили?

— Где-то близко, за Шамшевой...

Самолеты гудели совсем близко, — казалось, прямо над головой; и ребята подумали, что «волна» уже прошла. Вдруг завывла бомба.

— Ложись! — скомандовал незнакомец, и все упали ничком на крышу.

От удара дом дрогнул и закачался. Грохот разрыва, звон выбитых стекол, крики людей — все слилось вместе. Потом наступила тишина. Ребята поднялись. Бомба упала где-то очень близко.

— Здоровая фугаска, — сказал Мишка.

Во дворе затопали бежавшие куда-то люди, раздались выкрики команд. Это группы самозащиты торопились к очагу поражения на помощь. Ребятам хотелось спуститься вниз, присоединиться к дружинницам, узнать, посмотреть, но опять яростно ударили зенитки. Приближалась новая волна самолетов.

Не успели ребята прийти в себя, как сверху со свистом посыпались какие-то предметы. Несколько штук ударилось в крышу. Мишка увидел белый свет в чердачном окне.

— «Зажигалки»! — крикнул он и бросился на чердак.

«Зажигалка» шипела, хлопала, разгоралась белым пламенем. Не задумываясь ни на секунду, Мишка сорвал висевший на стене брезентовый передник и накрыл им «зажигалку». Он выбросил ее вместе с передником через слуховое окно во двор, потом огляделся. В конце чердака разгоралась другая. К ней уже бежал Васька. Мишка со всех ног бросился туда, оттолкнул своего друга в сторону, схватил руками «зажигалку» и так же проворно выбросил ее в слуховое окно.

— Готово!

— А чего ты толкаешься? — с дрожью в голосе от обиды сказал Васька.

Драка казалась неизбежной. Еще секунда — и приятели сцепились бы в темноте. Но в это время блеснул фонарик.

— Тихо, петухи! Искать «зажигалки»! — приказал незнакомец. — Наверно, еще где-нибудь есть...

Они пошли по чердаку, освещая фонариком все углы. Действительно, еще одна «зажигалка» лежала на полу, уткнувшись в песок. Она пробила крышу, но почему-то не загорелась.

— Чур, моя! — крикнул Мишка.

— Дай сюда, — сказал незнакомец и, взяв «зажигалку» из рук мальчика, вывернул какую-то деталь. — Теперь можешь взять.

Вторую «зажигалку» нашел незнакомец. Он также ее разрядил и отдал Ваське.

— Теперь довольны? А то уже и в драку полезли... Работы еще хватит на всех. Война только что начинается. У меня к вам будет серьезное дело, ребята, — сказал он, направляясь к окну. — Пойдемте потолкуем.

Потолковать, однако, не пришлось. Сначала хватились Степки. Думали, что его снесло с крыши взрывной волной, но скоро выяснилось, что Степка увидел «зажигалку», упавшую на соседнюю крышу, и перелез туда. Затем на чердак поднялся управхоз с участковым инспектором и женщинами из групп самозащиты. Пришлось снова обойти все углы и проверить, не осталось ли где «зажигалки».

Тревога кончилась. Ребята решили сбегать к очагу поражения, но их туда не пустили. Дом был уже оцеплен командами МПВО и милицией. «Скорая помощь» поминутно увозила раненых. Когда ребята вспомнили про незнакомца, то его уже не было ни на крыше, ни в штабе, и никто не знал, кто он и откуда появился.

4. КРАЖА

Ребята знали, что Ленинград уже окружен врагами, что все дороги перерезаны и выхода из города, кроме как по воздуху, нет.

«Нас хотят задушить», — говорили взрослые. Без матери Мишке стало трудно жить. Появились заботы, о которых он раньше и не подозревал. Нужно было выкупать продукты, а

денег не было. Тогда он взял часть вещей, оставшихся после матери, и вынес их на Сытный рынок. Вещей никто не покупал. Люди искали только продукты: хлеб, картофель, масло, крупу, — и цены на них росли с каждым часом. Мишке страшно хотелось есть, под ложечкой сосало, но даже хлеб по карточке не на что было выкупить. Злой и усталый вернулся он с рынка и, встретив во дворе старика дворника, обратился к нему.

— Дядя Василий, одолжи мне пятерку, — сказал Мишка краснея. — Завтра отдам, честное слово.

Старик сердито посмотрел на Мишку, но не выругался, а, вытащив из кармана старый кошелек, вынул пять рублей и дал мальчику.

— Где у тебя сестра-то? — спросил старик.

— Я ее в детский сад устроил.

— Ты, парень, сейчас держи ухо востро, — назидательно сказал он. — На сиротском положении в два счета с пути свернуть можно. Еще воровать начнешь... «Коли хочешь пропасти, начни красти», — люди говорят.

На другое утро Мишка пошел на рынок уже без вещей. Зачем? Он сам не отдавал себе отчета. От пяти рублей, занятых накануне у дворника, у него оставалось всего несколько копеек, так что купить себе еды он не мог.

Прислонившись к одному из ларьков, он, сам не зная для чего, стал наблюдать за очередью. Пожилая женщина с растрепанными, как пакля, волосами привлекла его внимание.

В руках у нее блестела черная лакированная сумочка. Почему-то Мишка, заметив эту сумочку, сразу отвел глаза и хотел отойти в сторону, но вместо этого подошел еще ближе. Сердце у него билось учащенно. Ноги отяжелели от страха, а вместе с тем он уже глаз не мог отвести от этой сумочки. К женщине подошла какая-то девочка и что-то ей сказала, и та, открыв сумочку, достала из нее несколько красных бумажек.

Мишка вдруг пожалел, что женщина с такой легкостью раздает деньги, и ужаснулся сам себе: только теперь он понял, что хочет украсть эту сумку.

В нескольких шагах от него стоял однорукий человек с небольшим чемоданчиком. Этот чемоданчик Мишка тоже заметил и, торопливо отойдя от женщины с сумочкой, невольно стал наблюдать. Однорукий рассеянно поглядывал по сторонам. Какой-то человек в военной форме, но без петлиц подошел к нему.

— Вы не знаете, сколько сейчас времени? — спросил он.

Инвалид поставил чемодан на землю, достал черные с золотым ободком часы и, без слов, показал их подошедшему.

— А у вас не найдется закурить?

Инвалид улыбнулся, блеснув золотыми зубами.

— А вы что курите? Махорку, табак или папиросы? — спросил он в свою очередь.

— Папиросы.

«Вот какой нахальный!», — подумал Мишка, но, к его удивлению, однорукий не рассердился, а достал папиросы.

— Пока есть, курите, — сказал он, открывая портсигар.

Человек в военной форме взял папиросу, закурил, приложил руку к пилотке, нагнулся и, подняв чемоданчик, пошел к выходу. Мишка хотел было крикнуть инвалиду, что у него утащили чемодан, но не крикнул, заметив, что тот равнодушно провожает взглядом уходившего. Все это было странно. Судя по их разговору, однорукий не знал этого человека, но почему-то отдал чемодан, не получив взамен ничего.

Дальнейшие события развернулись очень стремительно. Завыла сирена, и все заторопились к выходу. В воротах образовалась пробка. Задние напирали. Неожиданно Мишка увидел женщину с сумочкой. Он заработал локтями и почти у выхода схватил сумку

и дернул ее изо всей силы вниз. В тот же момент людским потоком его вынесло за ворота. Стало просторнее. Мишка сунул сумку под тужурку, метнулся в сторону и побежал. У первого же дома его задержали дежурные МПВО и направили в бомбоубежище. Сидя в подвале и прислушиваясь к разговору, Мишка чувствовал под тужуркой холодок упругой кожи. Ему хотелось посмотреть, что лежит в сумке, но открыто это сделать он не решился, боясь, что его сразу заподозрят в воровстве.

— Черт понес меня на рынок, — ворчал какой-то старик. — Сколько времени тревога протянется... Просидишь опять по-вчерашнему, до вечера.

— Зачем загоняют людей в подвалы? — сочувственно отозвалась женщина, сидевшая рядом с Мишкой. — Толкотня, беспорядок... У какой-то женщины в этой давке сумочку украли.

— Да... — согласился старик. — Этих бандитов я бы на месте давил, как клопов. В сумочке-то, наверно, карточки были.

У Мишки екнуло сердце. Старик сказал эти слова с таким презрением, что на душе у мальчика стало нехорошо. Мишка пересел в темный угол.

— У другой женщины муж на фронте, родину защищает, дома — дети, а тут какой-то паразит последние деньги украдет, — продолжал старик.

Когда заиграли отбой, Мишка вышел на улицу один из первых и быстро зашагал домой, придерживая рукой сумочку. Из-под ворот выходили люди. Сзади раздался визгливый женский голос:

— Вот он! Держите его!..

Мишка сразу сообразил, что женщина, которую он обокрал, заметила его, и побежал. Не успел он сделать несколько прыжков, как кто-то подставил ему ножку, — он упал, сумочка выпала на тротуар. Остальное происходило, как во сне. Крики, плач женщины, удары...

Когда Мишка пришел в себя, то почувствовал, что кто-то крепко держит его за шиворот. В отделении милиции, куда его привели, народу было много.

Вместе с Мишкой пришли трое: милиционер, старик, сидевшей в бомбоубежище, и еще третий, в коричневом пальто. Его Мишка узнал сразу по веселым глазам и седым волосам на висках. Это был тот самый незнакомец, который помогал им тушить на чердаке «зажигалки». Сейчас он отошел в сторону и хмуро поглядывал на Мишку. А потом, когда кончился допрос, он прошел за перегородку и, нагнувшись, сказал несколько слов лейтенанту милиции. Глаза его равнодушно скользнули по Мишкиному лицу, и сразу он вышел из дежурной комнаты.

Лейтенант крикнул задремавшему на скамейке милиционеру:

— Жуков! Посади-ка туда мальчишку.

— Есть!

Через минуту Мишка оказался в темной комнате, услышал, как за ним захлопнулась дверь и звякнул засов.

5. ВСТРЕЧА

До вечера Мишка просидел в пустой комнате один. Завыли сирены. Над головой затопали сапогами бежавшие милиционеры, а затем наступила тишина. Из-за печки выбежала большая крыса. Она смело посмотрела на Мишку, подняв мордочку, понюхала воздух, не спеша пробежала через комнату и исчезла в норе. Мишка сидел на табуретке, равнодушный ко всему. Ему казалось, что жизнь оборвалась и окончилась. Его осудят за кражу и заключат в тюрьму. Прощай, море! Не бывать ему моряком торгового флота, не будет он плавать по дальним морям...

Мысль о сестренке, которая напрасно ждет его в гости, кольнула в сердце, и слезы сами собой закапали из глаз. Раньше Мишка никогда не ревел и считал позорным «распускать нюни». Сейчас он не стеснялся слез, тем более что их никто не видел. Слезы доставляли ему

даже некоторое удовлетворение. Он стал еще больше растравлять себя, вспоминая мать, отца. Стало жаль всех, и даже женщину, у которой он украл сумку. Потом слезы высохли сами собой и наступило полусонное оцепенение. Мишка не знал, сколько времени он сидел так, неподвижно, подпирая голову руками. Очнулся он, когда в соседней комнате загремели миски и ложки. Есть хотелось, как никогда. Он стал ходить по комнате в ожидании, что ему сейчас дадут обед, но никто не приходил. Он бы мог поднять шум, забарабанить в дверь кулаками и потребовать себе еду, но почему-то не стал этого делать. Где-то в подсознании скрывалась надежда, что его не случайно посадили одного в пустую комнату и что незнакомец в коричневом пальто еще появится.

Чтобы время шло скорее, Мишка лег на кровать, но заснуть не мог.

Наступил вечер. В комнате стало совсем темно. Наконец дверь открылась. Мишка повернул голову и увидел в дверях милиционера.

— Выходи, — равнодушно сказал тот. Мальчик поднялся и покорно вышел за милиционером в дежурную комнату, где их ожидал незнакомый Мишке молодой человек. Мишка заметил, что под штатским пальто он носит военную форму.

— Этот, — сказал милиционер и прошел к себе за перегородку.

— Как тебя зовут? — спросил незнакомый молодой человек.

— Михаил Алексеев.

— Вот что, Алексеев. Пойдем сейчас со мной, но давай условимся, что ты не вздумашь удирать.

— Куда удирать?

— Удрать некуда. Это верно. Смысла в этом тоже нет. Найду.

Они вышли на улицу и направились к трамвайной остановке. Трамвай довез их до Финляндского вокзала. Через Литейный мост они пошли пешком и остановились возле здания Наркомвнудела.

С любопытством оглядывался мальчик по сторонам, когда они поднимались по лестнице, шли по коридору. Навстречу попадались торопившиеся куда-то моряки, пограничники, летчики. Но самый большой сюрприз ожидал Мишку в кабинете, куда они наконец вошли.

За письменным столом сидел знакомый человек с седыми висками, которого так недружелюбно встретил он на крыше.

— Товарищ майор государственной безопасности, ваше приказание выполнено, — сказал Мишкин провожатый.

— Хорошо. Садитесь, товарищ Бураков. — Майор хмуро смотрел на Мишку. — Ну что, парень, рот открыл? Муха залетит. Узнал?

— Узнал.

— Тем лучше. Садись. Как же это ты споткнулся, дружок? Я думал, что ты хороший, честный парень. Так геройски «зажигалки» тушил — и вдруг сумочки воровать.

Мишка сидел в кожаном кресле, опустив голову, и молчал.

— Думал я тебе поручить одно дело, — продолжал майор. — Думал, что ты поможешь нам. Да ничего теперь не получится. Воры нам не нужны. А жаль... жаль..

Потянулось молчание. Бураков поднялся с места.

— Разрешите идти, товарищ майор?

— Идите.

Мишка почувствовал руку, которая легла ему на плечо, и тоже встал. Но он не мог так уйти, ни слова не сказав.

— Я в первый раз... — пробормотал он.

— Сумочку — в первый раз, а прежде чем промышлял?

— Ничем. Никогда. Раньше я с отцом и с матерью жил...

— Знаю, — сказал майор. Теперь он улыбался. — Все знаю про тебя. Пятерку-то так и не отдал дворнику?! Эх ты! Горе наше!.. Ну, пойдя подкрепись, а потом еще побеседуем.

Мишка облегченно вздохнул. Если майор и про дворника знает, — стало быть, знает и

все остальное и верит ему. На душе у мальчика сразу стало легко и хорошо.

Выходя из кабинета, Мишка обратил внимание на маленький чемоданчик, стоявший около стены. Чемодан отличался от обычных наших чемоданов замками и кожей коричневого цвета, даже ручка у него была необыкновенная, но тем не менее чемодан этот Мишке был очень знаком. Где-то, и совсем недавно, он видел этот чемодан. Майор перехватил пристальный взгляд мальчика, однако ничего не сказал.

Мишка вышел с Бураковым из кабинета. В последней по коридору комнате на столе стояла еда, с того дня, как мать ушла в последний раз на работу и больше не вернулась, Мишка не ел ничего горячего.

— Садись и ешь, — сказал Бураков и, взяв газету, сел в стороне на диван.

— Всё?

— Все, все... чтобы ни крошки не осталось. Мишка жадно принялся за еду и, только когда в мисках было уже пусто, спохватился и пожалел, что впопыхах даже не разобрал вкуса того, что съел.

Когда они вернулись в кабинет, майор по-прежнему сидел за столом, перелистывая бумаги.

— Готово? Быстро же ты справился. Ну, теперь сыт?

— Сыт. Спасибо.

— Тогда давай потолкуем. Во-первых, откуда ты знаешь этот чемодан?

— Видел... а только, где я видел его, никак не могу вспомнить.

— Я помогу, — сказал майор, вынимая черные с золотым ободком часы. — Такие часы ты не видел, случайно?

При первом взгляде на часы Мишка вспомнил все. Сытный рынок... Однорукий... Чемодан... Человек в военной форме без петлиц. Папиросы...

Он толково и подробно рассказал всю сцену, которую наблюдал на рынке. Слово в слово повторил весь разговор и все мельчайшие подробности, подмеченные им.

Когда рассказ был записан, майор похвалил:

— Ты наблюдательный парень. Видимо, я в тебе не ошибся.

Дальше Мишка узнал интересные вещи. Оказывается, в Ленинград проникло много врагов. Во время воздушных налетов они пускают ракеты, указывая противнику военные объекты. Они готовятся к диверсиям, распространяют всевозможные слухи и всячески подрывают оборону города.

Главное — ракетчики. Их нужно быстро выловить. Если бы Мишка собрал группу надежных ребят и установил посты на разных улицах в своем районе, то они могли бы заметить человека, пустившего ракету. Затем нужно за ним следить. Установить его местожительство, куда он ходит, с кем встречается. У ребят будет свой штаб с телефоном.

Весь этот план очень понравился Мишке.

Однорукий, по словам майора, представлял особый интерес, и Мишка дал слово, что он сам найдет его во что бы то ни стало, тем более что знает его в лицо.

К часу ночи разговор закончили и всё решили. Домой идти было поздно, и Мишку положили спать на диван, в комнате, где он обедал.

Фантазия разыгралась. Мальчик долго не мог заснуть, мечтая о том, как он выловит однорукого со всей его шайкой и таким путем отомстит за убитую мать.

6. НОВЫЙ ДЕНЬ

Спал Мишка крепко, не слышал ни тревог, ни зенитной стрельбы. Утром в комнату зашел Бураков и принес завтрак.

— Ну вставай, дружок, — сказал он, поднимая штору.

Мишка сразу открыл глаза и вскочил с дивана, словно только и ждал этого прихода.

— Спишь ты на «отлично», по-настоящему спишь.

— Я чутко сплю, — согласился Мишка. — Чуть что — я уже на ногах.

— Вот именно. Чуть что... бомба, например, если рядом в комнате разорвется, ты моментом проснешься.

— Ну да, бомба...

— Никак не меньше. Я сегодня ночью к тебе раз пять заходил во время тревог. Спал ты как убитый. Стрельба сильная была, а ты только носом сопел.

— Ну да?

— Вот тебе и «ну да».

Мишка быстро надел ботинки, наскоро пригладил свои вихры и направился к столу.

— Подожди, дружок. Умываться по утрам ты не привык?

— Почему не привык? Я всегда умывался утром. С мылом даже.

— Неужели?

Они вышли в коридор. В уборной Мишка основательно умылся и, вернувшись назад, принялся за еду и чай. Пока Он ел, Бураков сообщил ему дальнейший план действий.

— Сейчас я тебя отпущу, и ты шагай к дому. Работать ты будешь со мной. Я буду заходить к вам ежедневно вечером, а когда поставим телефон, то будем звонить друг другу.

— А как же он? — спросил Мишка.

— Майор? Он, дружок, занятой человек. Ему звонить нужно только в крайнем случае. Понятно? Если что-нибудь особенное случится. Я его помощник и буду ему обо всем докладывать. Приедешь домой и начинай действовать. Собери ребят, но только тех, за которых ты можешь ручаться. Не болтунов, смелых, толковых. Понятно?

— Чего тут не понять!

— Вечером я найду, ты меня познакомишь с твоими ближайшими приятелями. Васька Кожух и еще как?..

— Откуда вы знаете? — удивился Мишка.

— Знаю. Как второго звать?

— Степка Панфилов, — сказал мальчик и улыбнулся, сообразив, что о ребятах Буракову сказал майор.

Они поговорили еще с полчаса. Затем Бураков проводил Мишку до выходных дверей.

Выйдя на Литейный, Мишка увидел, что по проспекту идет много людей с узлами. Некоторые везли свой багаж на тележках. На одной тележке между узлов лежал большой поросенок со связанными ногами, а рядом шла девочка, ведя на веревочке белую козу. Мишка поравнялся с девочкой.

— Ты откуда? Ты беженка, что ли? — спросил он ее. Девочка посмотрела на Мишку большими глазами и ничего не сказала, — видимо, не поняв вопроса.

— Ты беженка? — переспросил он.

— Беженка, беженка, — сердито ответила за нее женщина, толкавшая тележку.

— А откуда ты? Издалека? — спросил Мишка девочку, когда они немного отстали от ее матери.

— Мы на улице Стачек жили. Знаешь? — ответила она.

Мишка не раз ездил на Кировский завод и прекрасно знал этот широкий проспект.

— Понятно, знаю. А куда ты едешь?

— На Выборгскую сторону...

— От немцев уходите?

— Да. У нас, наверно, бой будет... Там стреляют. Они дошли до Литейного моста и здесь расстались. Мишка свернул на набережную. Он шел неторопливо, обдумывая все то, что видел, слышал и пережил за эти короткие дни. Вспомнил проводы отца. Дым пожаров. Отряды ополченцев. Разрывы бомб, их жуткий вой. Раньше слово «война» не вызывало в нем никаких представлений, кроме картинок, которые он видел в книгах да в кино. Теперь перед ним начинали вырисовываться контуры чего-то жестокого, громадного, что неумолимо надвигалось на всех, грозило раздавить, убить, разрушить. Мишка еще не видел близко крови и смертей, и поэтому образ войны только намечался в его сознании.

Пройдя Летний сад, Мишка свернул к Марсову полю. Вдруг что-то ударило в землю и

раздался страшный грохот. Не успел Мишка сообразить, что случилось, как последовал второй оглушительный взрыв, крики людей, звон разбитых стекол... Мишка выбежал из-за угла. Навстречу ему бежали перепуганные люди. Недалеко, в каких-нибудь ста метрах от него, стояло большое облако дыма. Снова что-то засвистело в воздухе и грохнуло, но уже дальше.

Это был артиллерийский обстрел. Первый снаряд ударил около Электротока и убил проезжавшую лошадь. Кучер каким-то чудом остался жив. Второй снаряд упал около трамвайной остановки, недалеко от памятника Суворову, и ранил постового милиционера. Затем снаряды стали ложиться ближе к Невскому, Люди бежали и прятались кто куда. Более хладнокровные, в том числе и Мишка, бросились помогать пострадавшим, Раненого милиционера унесли в подворотню. На асфальте осталась небольшая лужа крови. Лошадь долго еще билась в судорогах, и ей ничем нельзя было помочь.

Осмотрев воронку, постояв немного около убитой лошади, Мишка направился к трамвайной остановке.

— Это цветочки. Ягодки будут впереди, — зловеще сказал пожилой мужчина в больших роговых очках.

— Да. Лапы у немца длинные. Середину города из пушки достал. Теперь держи ухо востро. Теперь мы на фронте.

Мишка внимательно посмотрел на двух говоривших мужчин. Оба они были пожилые, хорошо одеты, с портфелями.

— По правилам — город не удержать, — сказал Один. — Артиллерия бьет по центру, а если они решатся на штурм, от Ленинграда ничего не останется.

— Не так страшен черт, как его малюют. — Вы, видимо, имеете смутное представление о силе и технике немцев.

— Я-то имею представление. С четырнадцатого года по семнадцатый с немцами дрался. Пойду и теперь, если понадобится, а Ленинграда не отдадим.

— И я пойду, — вмешался Мишка.

— Правильно, парень.

— Ну, если мы еще и грудных младенцев в атаку пошлем...

Мишка хотел было отругнуться, но его перебил второй:

— Тихо, паренек! Ни к чему спорить. Человек от страха рассудок потерял и всякие глупости говорит. Пускай.

Подождал трамвай, и они разошлись в разные стороны. Мужчина в очках сел в первый вагон, а Мишка направился в последний. В вагоне говорили об обстреле, хмуро разглядывая из окна воронку от снаряда и выбитые стекла в домах.

Только теперь Мишке пришло в голову, что не следовало, пожалуй, оставлять этого человека в роговых очках, который говорил, что «по правилам — город не удержать». Кто его знает, что это за человек? Ведь всем было страшно, и, однако, никто со страха так не говорил. Мишка выругал сам себя. Но было уже поздно.

У площади Льва Толстого Мишка слез и пошел в детский сад.

Сестренка обрадовалась приходу брата, но первый ее вопрос больно отозвался в Мишкином сердце.

— Миша, а где мама?

— Мамы нет, Люсенька.

— Мама на работе? Да? А мама придет?

— Если баловаться не будешь, придет, — ответил он, чувствуя, что бесполезно говорить ей о смерти матери.

Чтобы отвлечь девочку, он вытащил из кармана конфету, которую отложил для нее за завтраком. — На вот...

Девочка немедленно сунула конфетку в рот.

— Ну, как ты устроилась? Хорошо? Девочка кивнула головой.

— Ты скажи мне, если кто обижать будет. Говорить больше было не о чем. Мишка вспомнил наставления матери, которые она раньше делала ему, уходя на работу, и повторил их сестре. Девочка молча кивала головой, но слушала невнимательно, несколько раз оглядывалась на дверь. Там были подруги, и, видимо, ее оторвали от игры. Погладив по голове сестренку и неловко чмокнув ее в щеку, Мишка вышел.

Отсюда он направился на Сытный рынок. Здесь можно было встретить людей из всех районов города, всех возрастов, всех профессий. Мишка осторожно пробрался к тому месту, где накануне он видел однорукого, но там его не оказалось. Углубившись в промежуток между ларьками, мальчик ждал и наблюдал, разглядывая людей и прислушиваясь к разговорам. Однорукого не было. Тогда он пошел по рынку и, выбравшись из толчеи, залез на лестницу рыночного корпуса. Отсюда было хорошо все видно, но из-за тесноты лица людей было невозможно разобрать. Мишка упорно искал в толпе запомнившуюся ему фигуру инвалида.

— Мишка! — услышал он знакомый голос. Оглянувшись, он увидел Ваську, который протискивался к нему из толпы.

— Куда ты пропал? Мы тебя искали, искали вчера... Думали, разбомбило... Завтра со Степкой хотели в больницах искать.

— По делам ходил, — серьезно ответил Мишка, — А ты чего тут?

— А я очереди продаю.

Васька забрался на лестницу и, устроившись рядом с другом, объяснил, что это значит.

— У ларьков очереди за картошкой, а как тревогу объявят, их разгоняют. Я, понимаешь, вон в тот подъезд запрячусь и жду. Как отбой заиграет, так бегом

— и сразу к ларьку. Всегда первый. Хорошо платят. Видал?

Васька достал из кармана пачку «Зефира», открыл ее и протянул Мишке:

— Бери.

— Я бросил курить.

— Почему?

— Так. Ни к чему это. Небо только коптить, — резко сказал Мишка.

Васька с изумлением посмотрел на приятеля, смутился, закрыл коробку, повертел ее в руках и спрятал в карман.

Некоторое время они сидели молча. Васька чувствовал, что с приятелем произошло что-то, о чем надо было говорить в соответствующей обстановке.

— Где Степан? — спросил через минуту Мишка.

— Дома, наверно. А что?

— Ничего. Потом все расскажу. Пойдем к нему. Они выбрались на улицу и молча пошли к дому.

7. РАКЕТЧИК

Тревоги следовали одна за другой с небольшими перерывами. Наступили дни, когда сирены гудели по двенадцать раз в сутки. Особенно жестокие налеты были по ночам. Эшелоны немецких бомбардировщиков летели на большой высоте и сбрасывали бомбы во всех районах города. Навстречу им, в черное небо, по-прежнему летели разноцветные ракеты, пущенные таинственной рукой.

Команда Мишки Алексеева из пяти надежных и проверенных друзей с вечера расходилась по разным улицам и добросовестно дежурила до утра. Днем ребята спали в красном уголке жакта, где у них находился штаб. Каждый день в штаб заходил Бураков.

— Ну, как дела? — спрашивал он Мишку. Тот пожимал плечами и вот уже третий раз отвечал одно и то же:

— Плохо...

Они садились к столу, вытаскивали карту Ленинграда, разглядывали ее и заново намечали посты па улицах и в переулках.

— Отсюда сегодня пускали. Я сам видел с вышки. Может быть, на этой улице постоять, Миша? А? — предложил Бураков.

— Надо сюда Ваську поставить. А то он на Гатчинской... Там людно.

Как только начало темнеть, Васька Кожух отправился на новое место, в глухой переулок, который сворачивал в сторону от Пушкарской и выходил к парку Ленина.

Васька прошел переулок из конца в конец, изучая ворота, выступы, подъезды, чтобы знать, где можно в случае чего укрыться.

— Ты чего шляешься? Домой пора, — крикнула ему одна из дежурных МПВО, когда он заглянул во двор.

Васька презрительно смерил девушку взглядом с головы до ног и ничего не ответил. С тех пор, как ребята организовали свою команду, он стал подражать Мишке. А Мишка последние дни сильно изменился: не горячился, не кричал, говорить стал еще меньше, стараясь больше слушать и наблюдать. Самое любопытное, что он действительно бросил курить, отчего казался взрослее, самостоятельнее и серьезнее. Васька и раньше понимал, глядя на куривших приятелей, что они смешны и глупы, подражая взрослым. Сам он курил тоже исключительно для того, чтобы выглядеть старше. Табачный дым никакого удовольствия ему не доставлял. Ругался, плевал сквозь зубы и многое другое он делал тоже не потому, что нравилось, а чтобы казаться старше и солиднее. Пачку «Зефира», полученную им за продажу очереди, он три дня таскал с собой. Рука постоянно лезла в карман за папиросой, но за эти три дня он покурил только один раз, да и то без всякого удовольствия.

Дойдя до конца переулка, Васька повернул назад и направился к группе людей, стоявших под воротами. Его обогнал высокий худощавый юноша с футляром под мышкой, в каких обычно носят чертежи. Васька видел, как он прошел несколько домов, оглянулся и вошел в подъезд.

Под воротами шел разговор о пожаре Бадаевских складов. Какой-то старик рассказывал, что расплавленный сахар, перемешиваясь с грязью, растекался по улице рекой, затопил все канавы и подвалы. Он явно преувеличивал, но люди, уставшие за день, измученные тревогами, слушали его не перебивая. Старик не успел досказать, как завывла сирена.

— Летят, проклятые!.. Ну, кто куда, а я на крышу. Группа разошлась. По улице бежали темные фигуры людей, торопившихся домой.

— Мальчик, иди в бомбоубежище, — сказала дворничиха, схватив Ваську за локоть.

— Иди сама, — огрызнулся тот в ответ и выдернул руку.

— Что я говорю...

Но Васька уже исчез в темноте. Он прошел шагов сто и укрылся между колоннами школы, как раз против подъезда, куда ушел худощавый парень. На улице стихло. Где-то далеко начали хлопать зенитки, и звуки стрельбы постепенно приближались.

Если в первую ночь дежурства Васька сильно волновался и в каждой фигуре прохожего подозревал ракетчика, то на вторую, а тем более на третью ночь он держался гораздо спокойнее. Появилось даже некоторое разочарование. Ракетчиков не было.

Гул самолетов приближался. Заговорили батареи, расположенные на Петроградской стороне. В небе мелькали желтые разрывы.

Неожиданно во втором этаже, над дверью, куда вошел худощавый юноша, мелькнул огонек. Через минуту огонек снова мелькнул, осветив лицо парня, склонившегося над подоконником. Васька успел разглядеть, что окно на лестнице было открыто. Прошла минута, другая, и вдруг с легким шипением из окна полетели ракеты. Они вспыхивали ярко-зеленым светом и, догоняя одна другую, летели дугой по направлению к Петропавловской крепости.

От неожиданности Васька даже присел. Что делать? Он сразу забыл все инструкции Буракова и советы Мишки.

Темная фигура долговязого парня появилась в подъезде. Несколько секунд он постоял, оглядываясь по сторонам, и медленно направился вдоль переулка.

В это время завывала бомба и упала где-то недалеко. Васька, не обращая внимания на грохот взрыва, пошел крадучись, на цыпочках, вдоль стены, не спуская глаз с темной фигуры.

Долговязый свернул направо, на улицу, где дежурил Степка. Васька перебежал на другую сторону и лицом к лицу столкнулся с ракетчиком, который, по каким-то соображениям, повернул обратно. С минуту они молча стояли друг против друга.

— Ты что? — спросил наконец долговязый. Он был на голову выше Васьки, но это не остановило мальчика. Что было силы он ударил ракетчика кулаком в лицо.

В первый момент, не ожидая удара, парень растерялся. Васька, воспользовавшись этим, ловко дал подножку и толкнул в грудь противника. Долговязый упал, но, падая, уцепился за расстегнутый воротник Васькиной тужурки и увлек Ваську за собой. Они сцепились клубком и покатались по мостовой. Ракетчик был значительно сильнее, и это Васька сразу почувствовал.

— Степка-а! — крикнул он. — Степка-а-а!.. Ракетчик расвирепел. Прижав Ваську к камням мостовой, он бил его по чему попало. От одного удара у Васьки потемнело в глазах, но он цепко ухватил своего Противника за ногу, выше колена, и не отпускал.

Послышались торопливые шаги. Парень рванулся, но не тут-то было — Васька держал его за ногу мертвой хваткой.

— Степка!.. Держи его!.. Ракетчик!.. — хрипло кричал Васька.

Степка сразу оценил обстановку и навалился на долговязого. Некоторое время они барахтались в темноте на мостовой, не обращая внимания на стрельбу, бомбежку, на сыпавшиеся кругом осколки. Степке удалось поймать руку парня, и он резким движением повернул ее. От боли долговязый крикнул и перевернулся на живот, Степка повернул руку еще сильнее и заложил ее за спину.

— Попался теперь, — пробормотал он. — Васька, держи ему другую руку. Выворачивай... Да не в ту сторону... Теперь не уйдет.

Повизгивая от боли, парень лежал на животе не шевелясь, потому что при малейшем движении Степка выворачивал ему руку еще сильнее.

— Надо его связать... Веревка есть?

Васька вспомнил, что у дверей, где он останавливался до тревоги, был звонок к дворнику. Он бросился к дому, вытирая на ходу рукавом кровь, вытекавшую из разбитого носа. Сорвать провод от звонка было делом одной минуты. А еще через минуту они крепко связали руки врага, не обращая внимания на его стоны.

В красном уголке никого не было. Заметив, что ребята кого-то привели в свой штаб, две сандружинницы подбежали к ним.

— Что случилось, Вася? Ой, ты посмотри на себя!

— Уходите отсюда, — резко оборвал их мальчик.

— Тебя перевязать надо... крови-то сколько! — засуетились девушки.

С одной стороны, их разбирало любопытство, с другой — они обрадовались случаю приложить на практике свои познания в медицине. И если бы Васька разрешил им заняться собой, они, наверное, забинтовали бы его с головы до ног.

— Нечего, нечего вам тут делать! — крикнул Васька и закрыл дверь на ключ.

Долговязый сидел на стуле и испуганными глазами следил за ребятами, которые перешептывались между собой, не зная, что с ним делать дальше.

— Звонить, что ли?

— Подождем Мишку. Пускай Ой сам, а то рассердится.

Васька подошел к зеркалу. То, что он увидел, ему понравилось. Лицо окровавлено,

одежда в пыли, волосы взлохмачены. Кровь шла из носа, была размазана рукавом по лицу и не пугала его. Боль чувствовалась только под глазом. Он пощупал пальцем припухшее место на щеке и подошел к ракетчику. Набрав воздуха в легкие, он с размаху ударил его по лицу.

— Думаешь, я тебя меньше ростом, так испугался?

— Васька, брось! Теперь ни к чему, — остановил его приятель.

— А ты видел, как он меня бил? Парень моргал глазами и молчал. Васька ударил его еще раз и отошел в сторону.

— Надо его обыскать, — предложил Степка.

— Пускай Мишка сам...

Наступила тишина. Ребята сидели молча, искоса поглядывая на пленника. Кровь на лице Васьки высыхала и стягивала кожу. Наконец радио заиграло отбой, и вскоре пришел Мишка.

— Кто это?

— Вот. Один есть. Ракеты зеленые пускал, — сказал Васька.

— Врет он. Я ничего не знаю, — плаксивым голосом возразил пленник.

— С тобой и не разговаривают, — оборвал его Мишка. — Говори, Вася.

Мальчик подробно рассказал все, что случилось. Мишка набрал номер телефона. Майор оказался на месте. Коротко передав о случившемся, Мишка спросил, что им делать.

— Я сейчас сам приеду, а ты смотри за ним, чтобы он какой-нибудь фокус не выкинул.

Мишка повесил трубку.

— Сам приедет, — сказал он. — А ты молодец, Вася. Иди умойся.

— Потом...

Мишка понимал друга. Выглядел он великолепно, и, конечно, жаль было смывать знаки боевой доблести до прихода майора.

С постов вернулись остальные ребята и с любопытством уставились на первого пойманного ракетчика.

Через четверть часа во двор въехала машина. Из нее вышли двое военных и прошли в красный уголок. Еще через несколько минут они вышли обратно с двумя подростками. Машина выехала из ворот, бесшумно скрылась за поворотом и остановилась на углу переулка. Майор с Васькой вылезли из машины. При свете фонарика они внимательно осмотрели мостовую и тротуар. Около стены лежала трубка-футляр, в которых обычно носят чертежи.

8. ДОПРОС

Когда Васька вошел в кабинет майора, он был уже вымыт, перевязан, ссадины смазаны йодом и одежда вычищена.

— Садись. (Васька сел на кончик кресла.) Курить хочешь?

— Нет. Я некурящий.

— Неужели? Я помню, на крыше ты не отказывался.

— На крыше... Это когда было...

— Да уж не так давно. Неделя еще не прошла. Майор внимательно смотрел на мальчика, его улыбка не была насмешливой. Робость как рукой сняло. Васька почувствовал, как и тогда на крыше, что перед ним внимательный и приятный собеседник, с которым интересно говорить о мальчишеских делах и перед кем не надо строить взрослого.

— Нет, верно, я теперь не курю. Совсем бросил.

— Не куришь, потому что нет...

— Как нет? Пожалуйста. Даже вас могу угостить. — Васька вытащил из кармана помятую коробку «Зефира».

Майор и Бураков расхохотались.

— Рассказывай, Вася, как ты ракетчика поймал, — сказал майор закуривая.

Васька замялся, не зная, с чего начать.

— Ты сегодня на новом месте дежурил? — спросил майор.

— Да. Первый раз. Мишка мне велел на этот переулок пойти и в оба смотреть.

Мальчик подробно рассказал о том, как он дежурил в переулке, как его чуть не загнали в бомбоубежище, как он заметил высокого парня. Дойдя до драки, Васька оживился, встал с кресла и с горящими глазами продемонстрировал за себя и за ракетчика весь ход борьбы. — Ты ничего не напутал? Сам видел огонек в окне и его лицо? — спросил майор, когда Васька кончил рассказ и, тяжело дыша, сел в кресло.

— Я же как раз напротив него стоял, на другой стороне улицы.

—пустил он зеленые ракеты?

— Точно.

— А не красные? У тебя дальтонизма нет?

— А это что такое?

— Это какой цвет? — вместо ответа спросил майор, показывая книжку. — Обложка какого цвета?

— Зеленого, — ответил с недоумением Васька.

— А эта? — майор вытащил из кармана пропуск.

— Эта красная. Я же не слепой. — Васька даже обиделся, думая, что майор шутит. Мальчик не знал, что есть люди, которые путают цвета и могут на картинке раскрасить капусту красной краской.

Майор помолчал. Васька оглянулся на Буракова, но тот сидел серьезный и не улыбался.

— Теперь ты скажи мне вот что. С какой стати ты ударил его?

— Когда? Когда мы его к себе привели?.. А за что он меня бил? — загорячился мальчик.

— Подожди... Я говорю о первом случае. Когда ты с ним встретился. Кто тебе разрешил его задержать и драться? Подожди, сначала выслушай до конца, — строго сказал майор. — Если бы ты неделю тому назад увидел ракетчика и между вами произошло то, что произошло сегодня, я бы тебя похвалил. Вчера же ты прекрасно знал, что нужно было делать. Тебе объяснили, что за ракетчиком нужно следить: постараться узнать, где он живет, выяснить, куда ходит, с кем встречается. Он не один, их целая банда. Все они теперь будут настороже, и сейчас их трудно будет поймать. Пользы ты сделал на рубль, а вреда на десять. Как ты думаешь, его сообщники сейчас знают, что он у нас?

— Откуда? Никто нас не видел.

— Вас-то никто не видел, но он-то исчез. Его, наверное, ждут...

Васька сидел пришибленный. У него и раньше, когда они ехали на машине, кошки скребли на душе. Конечно, он поступил неправильно, опрометчиво, забыл, что говорил им Бураков и о чем предупреждал Мишка.

— Это еще не всё, — продолжал майор. — Как ты думаешь, мог он тебя финкой пырнуть во время драки и убежать?

— Какой финкой?

— Вот этой финкой, — сказал майор, показывая маленький кинжал явно заграничного происхождения.

— У него разве была финка?

— Как видишь, была. И я просто не понимаю, почему он не пустил ее в ход. Вероятно, растерялся или понадеялся на свои силы. Счастье твое, что так обошлось, а то не сидели бы мы с тобой здесь.

— Если бы он меня финкой ударил, я бы все равно его не выпустил, — сказал Васька с дрожью в голосе.

— В этом я не сомневаюсь. Мы знаем, что ты парень храбрый, но дело ты испортил.

Майор опять замолчал. Васька сидел, опустив голову, и тяжело дышал, готовый заплакать.

— Ну ладно. Победителя не судят. Пусть это послужит тебе хорошим уроком для дальнейшего. Расскажи и другим ребятам. Они ведь, наверное, ждут, что ты с орденом

вернешься. Подумай, дружок. Мы не в «казаков и разбойников» играем, а с опасным и сильным врагом боремся.

Майор посмотрел на часы и встал.

— Я должен идти. Переночуешь ты здесь. Проводите его, товарищ Бураков. Папироски свои заberi. Если ты действительно решил бросить курить, — молодец. Буду больше уважать. Спокойной ночи, Вася.

Мальчик взглянул на майора и опять увидел на его лице знакомую доброжелательную улыбку. Разговор был окончен.

Майор вышел вслед за ними, спустился этажом ниже в коридор, где находились комнаты следствия.

В глубине одной из комнат стоял письменный стол, за ним два стула. Третий стул стоял одиноко посреди комнаты, и на него падал свет от лампы, направленный абажуром. Письменный стол оставался в тени. Здесь не было ни одной вещи, на которой мог бы остановиться взгляд.

Выводной постучал в дверь и, получив разрешение, вошел с вызовом.

— Давайте его сюда, — сказал майор, расписавшись на бумажке.

Войдя в комнату и попав в полосу света, арестованный остановился. Губы его были упрямо сжаты, глаза беспокойно бегали по сторонам, руки заметно дрожали, и, чтобы не выдать своего состояния, он часто сжимал пальцы в кулаки и тотчас разжимал их.

— Садитесь. Стул перед вами, Арестованный вздрогнул и прищурил глаза, стараясь разглядеть говорившего. За столом было темно. Шагнув к столу, он неловко сел.

Майор не торопился с вопросами.

Чувствуя на себе внимательный взгляд, арестованный не знал, куда деть свои длинные руки, постоянно менял их положение, пока не спрятал в карманы.

— Ваша фамилия? — сухо спросил майор.

— Я же вам говорил... Каплунов.

— Имя и отчество?

— Валерий Георгиевич.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот двадцать второй.

— Адрес... Где вы проживали? При этом вопросе у парня брови сошлись, и это не ускользнуло от внимания майора.

— Я же говорил...

— Не помню.

— Улица Воскова, один, квартира девять.

— С кем вы проживали?

— Один.

— Где ваши родители?

— Их нет. Они давно умерли.

— Подробней, пожалуйста. Когда умерли?

— Отца я вообще не знаю, а мать умерла, когда мне было пять лет.

— Значит, вы сирота. Кто же вас вырастил?

— Я жил у тетки в Луге, у нее на иждивении.

— Когда вы приехали в Ленинград?

— В прошлом году. Я поступил учиться и переехал.

— Получили комнату? Адрес?

— Я же...

— Отвечайте на вопросы, — резко сказал майор.

— Улица Воскова, один, квартира девять.

— Каким путем вы получили комнату?

— Снял. Я долго ходил, искал, а потом нашел у старухи Горловой. У ней с дочкой было две комнаты, — одну она мне уступила.

В это время раздался телефонный звонок. Майор снял трубку.

— Товарищ майор, это Бураков говорит. Я выяснил. На улице Воскова, в доме один, вообще никто не живет. Там школа. Каплунов Валерий Георгиевич в городе не значится.

— Так.

Майор повесил трубку и снова обратился к арестованному.

— За комнату вы ей заплатили или она пустила вас так, за прекрасные глаза?

— Я заплатил ей тысячу рублей при въезде да еще потом...

— Деньги заработали?

— Я получил от родственников.

— Каких родственников?

— У меня же есть родственники. Я вам говорил.

— Не помню. Повторите.

— У меня есть тетка... Она живет в Луге.

— Вы сказали: родственники... Во множественном числе.

— Нет, больше никого нет. Я правду говорю, товарищ...

— Вы мне не товарищ, — холодно сказал майор.

— Извините, — смутился арестованный. — Как же вас называть?

— Называйте: гражданин следователь.

— Я вам правду говорю, гражданин следователь.

— Правда лучше всего. Значит, на улице Воскова, в доме девять, вы нашли комнату в квартире один.

— Наоборот, — поправил парень. — В доме один, квартира девять.

— По странной случайности, в этом доме помещается школа, и никаких квартир в нем нет, — отчеканил майор.

Глаза у парня стали круглыми и уставились в одну точку.

— Начнем сначала? — спросил майор через несколько минут. — Как ваша настоящая фамилия?

— Каплунов, — еле слышно ответил арестованный.

— Имя и отчество?

— Валерий Георгиевич.

— Год рождения?

— Тысяча девятьсот двадцать второй.

— Адрес?

Парень молчал, опустив голову на грудь. Плечи у него задергались, внутри что-то заклокотало, и он разразился рыданиями.

Майор, откинувшись на спинку стула, ждал.

— Теперь легче стало? — спросил он, когда арестованный несколько успокоился.

— Скажите, гражданин следователь, меня расстреляют? — со страхом спросил он.

— Не знаю. Все будет зависеть от вас. Чистосердечное раскаяние и правда могут облегчить вашу участь. Будете говорить правду? — Буду.

— Куда вы пускали ракеты?

— На Петропавловскую крепость.

— Рассказывайте все. Когда вы приехали в Ленинград, где жили без прописки, кто вам дал ракеты...

— Я все скажу... я все скажу... Теперь мне все равно. Я совсем не хотел пускать ракеты, но меня дядя заставил. Он ждал немцев и хотел им помочь, — начал говорить арестованный, всхлипывая и утирая рукавом слезы.

По мере того как он рассказывал, выяснилась картина предательства. Отец его — в прошлом торговец — был выслан за вредительство. Сам он жил у тетки. Кроме того, в

Ленинграде находился дядя — Воронов Сергей Харитонович, проживающий на улице Воскова, в доме 13, квартира 7. Дядя последнее время работал в какой-то артели. В конце июня, когда началась война, дядя письмом вызвал племянника в Ленинград, и тот жил у него без прописки. Все разговоры о войне сводились к тому, что немцы обязательно победят и установят свой порядок. Дядя усиленно готовился к тому, чтобы сразу открыть большую торговлю. Среди знакомых, навещавших Воронова в последние дни, парень видел однорукого человека с золотыми зубами.

9. ДЯДЯ

В три часа ночи майор доложил результаты допроса своему начальнику.

— Запирался недолго?

— Да. Парень без опыта, с мелкой, подленькой душонкой. Расплакался от страха.

— Обнаглели, мерзавцы! Вылезли из подпола, установили связь с немцами и торопятся. Ну что ж, надо заняться дядей.

Майор коротко сообщил о дальнейшем плане своих действий и, получив разрешение, вышел из кабинета начальника.

Бураков, сильно уставший за последние дни, не раздеваясь прилег на диван с газетой и незаметно уснул. Как крепко он ни спал, а все-таки привычка заставила его вскочить, лишь только раздался телефонный звонок. В трубке он услышал знакомый голос майора. Короткие, отрывистые фразы приказаний привели его в себя и прогнали остатки сна.

— ...проверить у людей оружие. Мальчика возьмем с собой и по пути забросим домой. Переоденьтесь.

— Есть!

Через полчаса две машины отошли от подъезда. Узкий луч через щели замаскированной фары тускло скользил впереди на расстоянии пяти-шести метров. На центральных улицах светились синие лампочки над номерами домов, но, когда машины свернули в переулок, темнота наступила такая, что шоферы невольно сбавили ход. Казалось, что они едут по шоссе, а по бокам стоит стеной темный лес.

У одного из домов Петроградской стороны передняя машина остановилась, и из нее выскочил Васька.

— Мать, наверное, беспокоится? — спросил майор.

— Она на дежурстве.

— Ну, спокойной ночи!

Дверь хлопнула, и машины, мигнув красными сигналами, ушли вперед.

В доме 13 по улице Воскова, в конторе управхоза, где помещался сейчас штаб объекта, сидели за столом две дежурные. Одна из них, полная пожилая женщина, штопала чулок, а другая дремала, прислонившись к косяку забитого фанерой окна.

На лестнице послышалось шарканье шагов, и в штаб вошли — сначала дворник, дежуривший под воротами, а за ним высокий человек с седыми висками.

— Здравствуйте! Дежурите? — приветливо сказал вошедший.

— Да... Сидим вот и смерти ждем, — спокойно ответила полная женщина.

— Мне нужен управхоз.

— Пожалейте вы его, товарищ. Которую ночь не спит. На себя стал не похож, — умоляюще сказала женщина. Она загородила собой дверь в соседнюю комнату.

— У меня срочное дело, — с улыбкой сказал мужчина, мягко отстраняя женщину.

Управхоз крепко спал на кожаной кушетке в красном уголке, переоборудованном сейчас в санитарную часть объекта.

— Товарищ управхоз... Проснитесь. Семен Гаврилович, — говорил дворник, осторожно тормоша своего начальника за борт пиджака. — Проснитесь. До вас дело есть... Семен Гаврилович... Слышите?..

Наконец управхоз открыл мутные глаза и сейчас же закрыл их.

— Что? Тревога? — пробормотал он. — Крути сирену-то...

— Товарищ управхоз, поднимитесь, — сказал майор и помог ему сесть на кушетке. Затем он протянул ему свое удостоверение.

— Извините. Мало спать приходится, — сказал управхоз, растирая затекшие ноги. — Выйди, Никандра. Чего ты здесь? Почему не на посту? Голову вы с меня снимете, — рассердился он на дворника. Когда дворник вышел, майор сказал:

— У вас живет Воронов, Сергей Харитонович?

— Точно. В квартире семь. Давно живет.

— К нему приехал в июле месяце племянник из Луги?

— Верно. Говорили мне, что приехал какой-то родственник.

— Он у вас не прописан?

— Помилуйте... у меня сейчас много народа не прописано. Дом громадный... беженцев из разных районов присылают... Все перепуталось...

— Верю, верю, — сочувственно сказал майор. — Идемте.

Они вышли во двор. Майор, освещая фонариком дорогу, направился к воротам, где ждали приехавшие с ним люди.

— Окна квартиры выходят на улицу? — спросил он на ходу.

— Да. Все на улицу, за исключением одного. То на двор выходит.

— Черный ход имеется?

— Есть.

— Который этаж?

— Второй.

На улице, под окнами квартиры, поставили двоих красноармейцев, во дворе — одного, у черного хода — двоих. Майор с Бураковым, управхозом и двумя бойцами поднялись во второй этаж, стали по бокам двери и, вытащив пистолеты, позвонили. Скоро за дверью послышалось шарканье ног, в щели мелькнул свет, и женский голос спросил:

— Кто там? Валя, ты?

— Откройте, гражданка Воронова, — сказал управхоз.

— Кто это?

— Это я, управхоз, Семен Гаврилович.

— Что вам надо, Семен Гаврилович?

— Откройте, вам говорят.

Сначала зазвенела цепочка, затем скрипнул железный крюк.

— Нет, это управхоз пришел, Сережа, — крикнула женщина в ответ на чей-то вопрос.

Услышав слово «Сережа», майор облегченно вздохнул.

Щелкнула задвижка, а за ней и французский замок. Дверь открылась.

— Оставайтесь на месте, гражданка, — сказал майор, быстро проходя в прихожую.

Зная, из описания управхоза, расположение комнат, он направился прямо в столовую. Но в это время в задней комнате с кровати соскользнула темная фигура и быстро метнулась к окну. Послышалось легкое шуршанье бумаги. Затем, стараясь не шуметь, человек выскочил в темный коридор, оттуда в кухню. Он торопливо распахнул дверь на черную лестницу.

— Вернитесь назад! — раздался голос, и два электрических фонарика осветили злое, напряженное лицо мужчины.

— Куда же вы, гражданин Воронов, заторопились? — услышал он позади себя голос догонявшего его майора.

Весь Ленинград спал в эти ночи не раздеваясь, и поэтому ничего удивительного не

было в том, что муж и жена Вороновы были одеты, несмотря на глубокую ночь. В квартире больше никого не оказалось.

Наружные посты сняли, и все приехавшие разместились в квартире. Двое красноармейцев стали около входной двери в прихожей, двое других — около черного хода на кухне. Остальные сидели в столовой вместе с хозяевами. Майор с Бураковым приступили к обыску.

10. ЗАСАДА

Обыск продолжался долго, но ничего интересного обнаружить не удавалось. В квартире имелось много ценных вещей — посуды, одежды, — и всё это были новые вещи. Казалось, что хозяева не выносят хлама. Не было поношенной обуви, даже старых квитанций, документов и писем не попадалось. Словно только вчера в эту квартиру приехали молодожены. Ковров в квартире тоже не было, и всюду, куда ни заглядывал майор, он не находил следов пыли. Все это было несколько странно, тем более что хозяева жили в этих комнатах давно.

Майор обратил внимание, что настенные часы, в красивом футляре, бездействуют. Подошел ближе. Это был дорогой механизм. Он встал на стул и попробовал открыть дверцу.

— Они не открываются, — мрачно заметил хозяин. — Ключа нет. Потерян.

— Как же вы их заводите?

— Как видите, не заводим. Стоят.

— И давно вы ключ потеряли?

— Весной. Все не соберусь ключ заказать.

— А мы все-таки откроем, — сказал майор и поманил пальцем одного из приехавших с ним красноармейцев. — Товарищ Градов, откройте.

Пока красноармеец возился с часами, майор занялся альбомом с открытками, исподлобья наблюдая за Вороновым. Хозяин с беспокойством следил, как красноармеец открывает часы.

— Мудреный замок, товарищ майор. Разрешите сломать?

— Ломайте.

Через минуту замок щелкнул, и мягкий, густой звон наполнил комнату. Майор занялся осмотром часов. В нижней части футляра был выдвижной ящик. Когда майор выдвинул его, стало понятно беспокойство хозяина. Здесь лежали завернутые в суконную тряпку золотые монеты царской чеканки. Во время подсчета Бураков, работавший в соседней комнате, принес несколько пачек советских денег, найденных им в потайном отделении книжного шкафа. Кроме того, там же оказался и архив хозяина: документы, письма, квитанции, всевозможные записные книжки.

Подсчет денег длился долго.

— Пятьдесят восемь тысяч рублей бумажками и семьсот двадцать рублей золотыми. Так, гражданин Воронов? — спросил майор, прежде чем внести эти цифры в акт.

Воронов дико смотрел на стол, на котором было разложено его богатство. Губы его дергались, а на лице застыла гримаса невыразимого страдания. Для жены находка этих сокровищ была неожиданной. Она, видимо, не знала о них и сейчас с удивлением поглядывала то на мужа, то на пачки денег.

— Гражданин Воронов, вы слышали вопрос?

— Что вы говорите? Ах, деньги!.. Да. Пятьдесят во « семь и семьсот двадцать.

— Трудовые сбережения, — о усмешкой сказал Бураков, перевязывая деньги.

Документы были сложены в чемодан. Подняли шторы затемнения. На улице было уже светло. На стеклах наклеены белые полоски бумаги. Воронов избрал любопытный рисунок. Из верхнего правого угла они спускались во все стороны полукругом. Наискось их пересекали другие. Издали получался рисунок паутины.

Обыск продолжался. По расчетам майора, после девяти часов утра должен был прийти

однорукий или кто-либо из его сообщников.

— Больше у вас в квартире никто не живет? — мимоходом спросил он у хозяйки.

— Никого, — ответил за нее муж.

— Я спрашиваю не вас, гражданин Воронов.

— Что она может сказать? Видите, у нее от страха язык отнялся.

— Гражданка Воронова, я спрашиваю вас. Больше в квартире никто не живет?

— Не-ет... Я не знаю, про что вы говорите.

— Неужели не знаете? Подумайте. Нам сообщили, что у вас без прописки проживает родственник, мужчина, скрывающийся от мобилизации в армию.

В глазах у Воронова мелькнула надежда.

— Валька! Ох, дурак! — вздохнул он.

— Какой же он мужчина! — обрадовалась жена. — Он еще мальчик. Это наш племянник. Из Луги. От немцев убежал. Конечно, скрывать не приходится, — жил у нас, это верно. Куда же ему деться? Не на улице же ночевать. Но только насчет прописки мы не виноваты, гражданин. Спросите управхоза. Мы два раза заявляли. Время такое...

— А где же он теперь?

— Не знаю, гражданин, — сказала жена, мельком взглянув на мужа. — Вчера вечером ушел и до сих пор не вернулся. Боюсь, как бы с ним несчастье не случилось. Ночью-то какая бомбежка была... сердце кровью обливается.

В это время в комнату вошел Бураков с небольшим чемоданчиком. Чемодан был как две капли воды похож на тот, что принесла студентка. Воронов побледнел.

— Между дверьми стоял, — сообщил Бураков, передавая чемодан начальнику.

— Почему это он у вас между дверьми стоит? Такой хороший чемодан!

— Это мы на случай тревоги. Я когда в подвал спускаюсь, то беру его с собой, — пробормотала хозяйка.

— Ключ есть или опять будем ломать?

— Есть, есть, — торопливо сказала она и вытащила из кармана ключи. — Вот этот...

Майор не торопясь открыл чемодан, но того, чего он ожидал, в чемодане не было. Там лежали завернутые в салфетки и носовые платки всевозможные золотые вещи: перстни с бриллиантами, несколько медальонов, обручальные кольца, трое золотых часов, табакерка, серьги, цепочки, браслеты.

— Я вижу, вы любите красивые вещи, — сказал майор, высыпая золото из узелков. — Тут больше, чем в любом магазине Мосторга.

— Нет, пожалуй, там не найдешь таких... — с дрожью в голосе сказал хозяин. — Там... там самоцветы, да и те в серебре, а тут чистой воды камешки.

Пока красноармеец переписывал на отдельном листке найденные ценности. Бураков с майором продолжали обыск.

Время приближалось к полудню.

Около полудня дали отбой второй в это утро тревоги. Из подвалов и подворотен хлынули на улицу люди.

Однорукий инвалид вышел из подвала одним из последних и неторопливо направился к Сытному рынку. На углу улицы Воскова он остановился как вкопанный.

В доме 13, куда он шел, во втором этаже он увидел сигнал опасности. На окне были наклеены белые полосы в виде паутинки, но внизу не хватало одной полосы, словно кто-то в этом месте порвал паутину. Издали это сразу бросалось в глаза. Никакой случайности не могло быть. Все полосы были крепко приклеены к стеклу, а эта полоска была приколоты к раме с двух сторон кнопками и, по уговору, должна была быть сорвана только в случае явной опасности. Однорукий с непринужденным видом закурил, повернулся назад и, замешавшись в общем движении, скрылся.

11. БАНЯ

Как ни странно, но Мишка совсем не завидовал Васькиной удаче. Во-первых, это было хорошо в интересах общего дела, во-вторых, он считался командиром группы, а значит, был участником поимки ракетчика, и, наконец, третье и самое главное, у него была особая задача.

Каждый день по утрам Мишка ходил на Сытный рынок и до половины дня толкался среди людей, постоянно возвращаясь к ларьку, у которого в тот памятный день он встретил однорукого.

Вторую половину дня он бродил по улицам, подолгу стоял на трамвайных остановках и на перекрестках. Однорукий ни разу ему не встретился, хотя Мишка почему-то был убежден, что шпион скрывается на Петроградской стороне.

В баню ребята попали по настоянию Степкиной матери.

Народу в Белозерских банях оказалось больше, чем они ожидали. Пришлось постоять в очереди. В раздевалке было холодно и темно. В мыльной стекла вылетели от взрывной волны, а фанера, вставленная в рамы, от сырости размокла и пропускала холодный воздух. Ребята налили в тазики горячей воды и устроились на скамейке.

— Сваришься, — сказал Степка, сунув руку в Мишкин таз. — Пощупай, Вася, — кипяток.

— А по-нашему, еще холодная, — процедил сквозь зубы Мишка и брызнул на Ваську горячей водой.

Васька, не задумываясь, вылил свою воду на голову Мишке и убежал в конец мыльной.

— Ну ладно, за мной не пропадет! — крикнул Мишка вдогонку. Он принялся намыливать голову.

Через минуту вернулся Васька и встревоженно шепнул:

— Мишка. Там однорукий моется.

— Ну да?

— Иди посмотри. В углу.

Мишка наскоро смыл мыло с лица и пошел в конец мыльной. Действительно, на скамейке в углу сидел однорукий, только что намыливший волосы.

Как быть? Первой мыслью было: ударом по затылку оглушить однорукого и связать. Нет, это не годится. Ваське уже попало за самовольство. Нужно срочно сообщить майору. Это самое правильное, но, пока они найдут телефон, пока будут звонить, пока придет машина, однорукий успеет вымыться и уйти. Значит, нужно его задержать. Но как? И вдруг Мишка заметил номерок, привязанный к ручке таза. Теперь все ясно. Он вернулся к приятелям и вполголоса заговорил:

— Ребята, не зевать. Степка, ты подберись к однорукому... И смотри... Как только голову еще раз намылит, а глаза, значит, закроет, — хватай номерок, он к тазу привязан. Понял? Без номерка его из бани не выпустят. Васька, а ты одевайся и беги звонить майору. Самому майору звони. Ну, а если не дозвонишься, тогда Буракову. Дело важное. Телефон знаешь? Скажи, что я нашел однорукого.

— Это я нашел, — поправил Васька.

— Дурак, не все ли равно, — с досадой оборвал его приятель. — Мне поручили однорукого искать, — значит, я нашел... Ну скажи, — мы нашли.

Васька не стал спорить: быстро сполоснув руки, он вышел из мыльной в холодную раздевалку. Степка между тем отправился в конец мыльной, где и нашел однорукого. Он его никогда не видел и по рассказам представлял совсем иным. Лица его он разглядеть не мог, потому что однорукий как раз усиленно царапал ногтями намыленную голову. Хлопья мыльной пены летели во все стороны. Обрубком руки он помахивал в такт со здоровой рукой. Оглянувшись по сторонам, Степка с бьющимся сердцем подсел к тазу. Он в упор глядел на однорукого и ждал, что тот почувствует его присутствие, широко откроет глаза и увидит... Нет... Однорукий ничего не чувствовал и продолжал скоблить голову. Степка, затаив дыхание, быстро снял номерок, отбежал в сторону и потонул в облаках пара.

— Есть! Вот он...

— Давай сюда. Спрячем под лавку.

Мишка зажал номерок в кулак, столкнул свое мыло на пол и, как бы за мылом, полез под скамейку. Он положил номерок на пол, поближе к стенке. Все эти предосторожности были излишними, потому что никто не обращал внимания па ребят. В этой бане уже был случай, когда близко разорвалась бомба. Голые люди, в мыле, поцарапанные стеклами, из всех отделений выскочили на улицу. По закону рассеивания подобный случай не должен был повториться, но многие почему-то считали, что это опять произойдет именно там, где и случилось.

— Что теперь делать? — тихо спросил Степка.

— А ничего, — спокойно ответил Мишка. — Мойся. Теперь он не уйдет.

Они продолжали мыться, поглядывая друг на друга. Степка не мог удержать улыбки, представляя, как однорукий хватится номерка и как ему не будут открывать шкаф.

— Скорей, — торопил Мишка приятеля, видя, что тот не торопится.

Когда они наливали воду для окачивания, из раздевалки послышался громкий разговор. Ребята не заметили, как однорукий кончил мыться и теперь скандалил с банщиком. Кое-как сполоснув себя, Мишка бросился со всех ног в раздевалку.

Размахивая единственной рукой перед стариком банщиком, стоял голый мужчина и кричал:

— Ты спятил, что ли?.. В таком холоде я буду до вечера сидеть!

— А вы пойдите в мыльную, там тепло, — спокойно говорил старик. — До вечера сидеть не надо. Вот партия вымоется, тогда и открою.

— Некогда мне ждать. Открывай без разговоров.

— Предъявите номерок — открою.

— Русским языком я тебе говорю, что нет номерка. Украли номерок.

— А вы поищите. Может, он смылся, ваш номерок, — заметил один из раздевавшихся. — На полу где-нибудь и лежит.

Однорукий пошел назад — искать свой номерок. Когда он повернулся к Мишке лицом, Мишка чуть не упал. Это был тот инвалид, что целыми днями стоял у весов на углу Большого и Введенской. У него можно было взвеситься, испытать силу рук. Знала его вся Петроградская сторона.

— Ну что, Мишка? — спросил подошедший Степка.

— Дураки мы... Не он это! Поверил я Ваське... Одевайся скорей. Василий уж майору звонит... Скорей.

Ребята стремглав бросились к своему шкафу, но, на их счастье, в конце раздевалки показался запыхавшийся приятель.

— Не могу дозвониться... Нету майора, и Буракова нету, — сказал он, еле переводя дух.

— Ну и правильно! — вздохнул с облегчением Мишка.

— Чего правильно?

— Ничего. Дураки мы, вот что. И ты первый, — зло сказал Мишка, но, увидя круглые от удивления глаза приятеля, расхохотался. — Не тот однорукий-то... Понял? — Хлопнув мокрой рукой по плечу приятеля, он объяснил ему ошибку.

— А как же с номерком? — спросил Степка.

— Надо отдать...

Они вернулись в мыльную, достали спрятанный номерок и присоединились к инвалиду в его поисках. С минуту они ходили за ним, сосредоточенно разглядывая пол.

— Это не ваш, дядя? — спросил Мишка нагибаясь.

— Ну-ка, ну-ка? Мой! Он и есть! — обрадовался инвалид, получив номерок. — Вот спасибо-то вам, ребята. Приходите ко мне, я вас бесплатно свешаю.

— А эту штуку дашь пожать? — спросил Степка, сжимая вытянутый кулак.

— И силомер дам. Приходите обязательно, ребята.

Судьба посмеялась над Мишкой, но он не унывал.

Характер у него был упорный.

Вернувшись из бани, он оделся потеплее, поел и снова отправился на поиски.

12. ВСТРЕЧА СО ШПИОНОМ

Васька не дозвонился до майора и Буракова по той причине, что они в это время находились в квартире Воронова, поджидая однорукого или кого-нибудь из его сообщников.

Шпион, конечно, не знал, что ему угрожает и почему была сорвана полоска с окна. Не подозревал он и того, что советская контрразведка знает о его пребывании в городе, но он был осторожный и хитрый враг.

Мишка вышел на улицу и направился к трамвайной остановке. После очередного воздушного налета где-то был испорчен трамвайный путь, и все трамваи с Васильевского острова шли вкруговую, через Петроградскую сторону. Усевшись на ящик с песком, Мишка стал наблюдать, как из боковых улиц вытекали на проспект людские потоки. По радио передавали романс. Мишке было не до музыки и не до певицы. Он посмотрел на громкоговоритель и со злобой сказал:

— А ну тебя!..

Как раз в этот момент кто-то дернул его за рукав. Мишка взглянул вниз и обомлел. Около ящика с песком стоял однорукий. Он поманил мальчика пальцем, приглашая его спуститься на панель, и отошел в сторону.

Мишка от неожиданности растерялся, но быстро взял себя в руки и соскочил с ящика.

— Я, дяденька, ничего... я не баловал, — притворно сказал он. — Я только радио послушать.

Однорукий покачал головой и, обняв рукой Мишку за плечи, пошел по улице.

— Слушай, парень. Заработать хочешь? — спросил он вполголоса.

— Хочу. А что надо делать?

— Взять письмо и принести обратно ответ. Я тебе хорошо заплачу.

У Мишки от радости даже дыхание перехватило.

— Далеко нести записку?

— Нет. Недалеко.

— А сколько вы мне заплатите?

— Сейчас я тебе дам десять рублей, а когда принесешь ответ, еще тридцать. Согласен?

Мишка немного подумал, искоса поглядел на однорукого и согласился.

— Вот письмо. Держи. Улица Воскова, дом тринадцать, квартира семь. Спросишь там Воронова, Сергея Харитоновича, а если его дома нет, то жену, Анну Григорьевну. Отдашь письмо, и пускай они напишут ответ. Понял?

— Понял. А куда принести ответ?

— Ответ принесешь на Геслеровский. Знаешь, где садик на углу Зелениной?

— Знаю.

— Вот на углу, у этого садика, я тебя и буду ждать.

— Ладно.

— Понял? Как раз на углу, где дом разрушен. Скоро будет уже темнеть. Ты постарайся не задерживаться.

Мишка повторил все, что сказал ему однорукий, и тот вручил ему десять рублей.

— А эти получишь, когда вернешься, — сказал он, показав тридцатирублевую бумажку. — Главное — не задерживайся.

Мишка сунул письмо и деньги в карман и быстро зашагал. Дойдя до угла, он оглянулся, но однорукого на месте уже не было. Нужно было что-то предпринимать. Но что? До улицы Воскова отсюда — несколько минут хода, и если заняться розыском телефона, то такая задержка шпиону покажется подозрительной и может все испортить. Единственная надежда

на тревогу, но, как назло, по радио все еще передавали пение. Нужно было придумать причину задержки, чтобы успеть сообщить майору о поручении и спросить, как ему поступить. Письмо шуршало в кармане. Мишка вытащил его и оглядел со всех сторон. Оно было прочно заклеено.

В квартире Воронова к вечеру обыск закончили, и майор ждал темноты, чтобы отправить арестованных, а пока занялся изучением найденного архива, разбирая и просматривая старые письма, квитанции, документы. Бураков сидел в гостиной с арестованными.

К вечеру, когда пропала всякая надежда на приход однорукого, вдруг зазвонил звонок у входной двери. Все насторожились. Майор вышел в прихожую, потушил свет, спрятался за вешалку и дал сигнал открывать. Один из дежурных широко распахнул дверь и отошел в сторону. На площадке стоял мальчик.

— Здесь живет Воронов, Сергей Харитонович? — спросил Мишка, вглядываясь в темноту прихожей.

— Проходи.

Лишь только Мишка переступил порог, как дверь за ним закрылась и в прихожей зажегся свет. Перед ним стоял майор. В первую минуту Мишка от удивления не мог сказать ни одного слова и растерянно поглядывал то на нахмуренное лицо майора, то на незнакомых мужчин, стоявших по бокам.

— Что нужно? — сухо спросил майор.

— Письмо вот... Я письмо принес Воронову... — наконец сказал мальчик, вытаскивая из кармана письмо.

— Идем за мной!

Они прошли в кухню. Майор быстро распечатал и прочитал письмо.

— Ну, рассказывай. Что это все значит? Кто тебя послал?

Мишка подробно рассказал о встрече с одноруким. Начал он было говорить и про случай в бане, но майор перебил:

— Это потом. Сейчас некогда. Ты хорошо сделал, что принес письмо. Подожди здесь. Сейчас получим ответ, и ты унесешь его.

Майор прошел в столовую. Воронов сидел на диване, прислонив голову к подушкам, и делал вид, что дремлет.

— Гражданин Воронов, — сказал майор, останавливаясь против него.

— Я слушаю вас, — встрепенулся тот.

— Вы слышали звонок?

— Как же, как же, слышал.

— Это к вам пришли.

— Ко мне?.. Нет... Кто мог прийти ко мне? Соседка какая-нибудь? Ко мне некому приходить. Знакомых нет.

— Никого? — насмешливо спросил майор.

— Может быть, Валя вернулся, — сказала хозяйка.

— Нет, не Валя. Письмо вам принесли от вашего знакомого.

Майор достал из кармана письмо и показал его Воронову.

— Не имею ни малейшего понятия, от кого письмо. Может быть, по службе.

— Читайте, — сказал майор, протянув конверт.

Воронов недоверчиво взял письмо, вытащил листок и прочел: «Собирался по пути заглянуть, но задержали дела. Как здоровье? Ч.»

— Ну, теперь вспомнили?

— Да. Это мой сослуживец пишет. Мы с ним в одной артели работаем. Наверно, он думает, что я заболел, — спокойно сказал Воронов, возвращая письмо.

— Письмо принес мальчик. Он ждет ответа.

— Какой же я могу дать сейчас ответ?

— Значит, он так и передаст, что ответа не будет?

— Можно и так, но, если разрешите, я напишу.

— Можете написать, но про обыск — ни слова. Воронов подсел к своему столу и, написав несколько слов, вложил ответ в чистый конверт.

— Вот, пожалуйста, проверьте, — сказал он.

— Вы адрес забыли написать.

— Это неважно.

Майор прочитал ответ: «По болезни не мог прийти на работу. Боюсь, что придется лечь в больницу. Воронов».

— Разве вы больны?

— Нет... Но что я должен писать? Вы же сами запретили писать про обыск...

— Пишите так: «Не вышел на работу по уважительной причине. Здоров», — продиктовал майор. — Это будет верней.

Воронов без возражений написал то, что предложил майор.

— Подпишитесь, — сказал майор, заглядывая через его плечо. — На конверте напишите адрес.

— Я не знаю адреса.

— Места своей работы вы не знаете?

— Ах, место своей работы! Пожалуйста! Воронов написал на конверте адрес артели, где работал, и вложил письмо.

Вернувшись в кухню, майор сел напротив Мишки и уставился на него. Мальчик сидел молча, недоумевая, почему майор так пристально, не мигая, смотрит ему в переносицу. Он заерзал на стуле, смутился и отвернулся в сторону. Задумавшись, майор смотрел на Мишку и не видел его. Два письма, два конверта. Которое из них послать и в каком конверте? Фраза о болезни могла быть условным сигналом, предупреждающим однорукого. С другой стороны, продиктованные им самим строчки могли еще больше напугать и насторожить шпиона. Кроме того, нужно решить, как действовать дальше. А действовать надо смело и быстро. Выбор невелик, и время ограничено.

— Миша! — сказал наконец майор. — Случай нам помогает. Ошибка с нашей стороны сейчас была бы непростительна. — При этих словах майор вложил в чистый конверт письмо, продиктованное им, передал мальчику и продолжал: — Передай его однорукому. Если он у тебя будет спрашивать подробности, скажи, что после того, как ты позвонил, тебе долго не открывали. После второго звонка дверь открыла женщина и на твой вопрос сказала, что Воронов живет здесь, и взяла письмо. В квартиру, скажи, тебя не пустили. Ждал на лестнице. Ответ вынес тебе мужчина, но ты не знаешь, Воронов это или кто-нибудь другой. Он тебе ничего не говорил и ничего не расспрашивал. Просто отдал письмо и сказал: «Вот ответ». Понял?

— Понял. Значит, так: я позвонил, долго не открывали. Еще раз позвонил. Открыла женщина. Здесь живет Воронов? Здесь! Ему письмо. Отдал письмо. Ждал на лестнице. Ответ принес какой-то дядька и сказал: «Держи ответ», — скороговоркой повторил Мишка.

— Пойдешь по Пушкарской и на Зеленину выйдешь по Рыбацкой, где ходит трамвай. Подожди еще минутку.

Майор вышел в прихожую, вызвал Буракова и минуты две говорил с ним вполголоса. В ответ на короткие фразы майора Бураков молча кивал головой, изредка бормоча: «Есть... точно».

Минут через пять Мишку выпустили из квартиры, и он быстро зашагал к условленному месту, не заметив, как за ним выскользнула темная фигура человека и исчезла в первом переулке на Пушкарской.

На улице уже стало темнеть, когда Мишка подошел к садику. Он остановился на углу, напротив разрушенного дома. Однорукого на месте не оказалось. Сердце у Мишки сильно колотилось от волнения, но чувствовал он себя необычайно легко. Волновался он потому, что забыл спросить майора: что делать после передачи письма? Следить ли за шпионом дальше или вернуться домой? Облокотившись о решетку, он ждал.

Казалось, что сумерки надвигались со стороны домов, а небо светлело. Пешеходы двигались торопливо, перегоняя один другого. Прошло несколько трамваев. Наискосок от Мишки, на другой стороне улицы, стоял полуприцепный грузовик, «Какой-нибудь военный по пути с фронта заехал домой», — подумал мальчик, вглядываясь в темный силуэт машины. За стеклом едва заметно белело лицо шофера и рядом с ним еще чье-то. Время шло, но однорукий не приходил. Мишка уже совсем успокоился. Сбоку послышался детский голос:

— Мама, я устала.

— Сейчас придем, девочка, сейчас... Иди скорей, а то прилетят немцы.

Мишка вспомнил сестренку, и ему стало грустно. Наверно, сейчас Люся ложится спать, и только успеет заснуть, как по тревоге им придется спускаться в подвал. «Только бы бомба к ним не попала. Пускай уж лучше меня убьет», — подумал Мишка и посмотрел вверх. В светло-синем небе кое-где уже мигали звезды. В это время хлопнула дверца, и от машины отделился человек. Он перешел улицу и остановился перед Мишкой.

— Кого ты ждешь, парень?

Мишка смерил глазами с ног до головы громадную фигуру мужчины и вызывающе ответил:

— А тебе какое дело?

— Ответ принес?

— Какой ответ?

— Я знаю, что ты на улицу Воскова ходил, а за это получил десятку. Давай ответ, я тебе тридцать рублей дам, которые обещаны.

— А кто ты такой?

— Слушай, некогда мне с тобой канителиться. Принес ответ?

— А ты меня, что ли, посылал? — спросил Мишка, выгадывая время и соображая, как ему поступить.

— Посылал тебя мой товарищ, инвалид. Он сейчас занят и просил меня сходить за ответом... Принес или не принес?

— Принес.

— Давай сюда.

— А деньги?

— Не бойся, не обману... держи свою бумажку. Получив деньги, Мишка достал из кармана письмо и отдал его незнакомцу.

— Больше ничего не надо?

— Ничего. Шагай к дому.

Мишке ничего не оставалось делать, как уйти, и он без разговоров направился в темноту. Как только он завернул за угол и почувствовал, что незнакомец не смотрит ему в спину, так сейчас же обернулся и выглянул из-за угла. Темная фигура переходила улицу и остановилась около машины. Раздумывать было некогда. Прячась за пешеходами, Мишка перебежал улицу и по развалинам разрушенного дома начал пробираться к машине. Он услышал, как хлопнула дверца, как несколько раз заскрежетал стартер. Когда Мишка оказался рядом с грузовиком, мотор наконец зафыркал, и машина тронулась. Мальчик выскочил из укрытия, пропустил грузовик мимо себя, подпрыгнул и уцепился за задний борт кузова. Остальное было делом знакомым. Мишка ловко подтянулся на руках, цепляясь ногой за гайки, затем перекинул ногу через борт и оказался в кузове. В машине лежали какие-то ящики. Прячась за ними, он ползком пробрался вперед и приткнулся к кабинке.

13. НА МАШИНЕ

Грузовик шел быстро. Шофер не обращал внимания на рытвины, и в кузове все подпрыгивало и грохотало. Холодный ветер обдувал лицо и руки, но Мишка терпел, крепко уцепившись за борт грузовика. Мальчик ликовал. Он был на верном следу: этот великан-шофер связан со шпионом и ехал куда-то по его заданию. Ни разу мысль об

опасности не мелькнула в голове мальчика. Обстоятельства складывались удачно, и Мишка дрожал от нетерпения, мысленно подгоняя машину.

Они проехали весь Геслеровский и свернули на Кировский проспект. Здесь, на гладком асфальте, можно было не держаться за борт, и Мишка с ожесточением принялся растирать заочиненные руки.

Проехали один мост, затем второй. Асфальт кончился, и снова все загрохотало, запрыгало в машине. Мишка запомнил дорогу до Новой Деревни, а дальше спутался и не понимал, где они едут.

По небу шарили белые столбы прожекторов. Далеко замелькали разрывы зениток. Завыли сирены, и им в ответ загудели заводы. Стало светлее. Мишке казалось, что следом за ними мчится еще какая-то машина, и на повороте он ясно разглядел ее контуры. Они сворачивали несколько раз в правую сторону и, должно быть, находились где-то на Выборгской стороне. Упругий ветер давил со всех сторон, стягивал губы, забирался в рукава, за воротник, и некуда было от него укрыться. Передвинув ящики, Мишка подобрался к окну кабинки и заглянул в него. Как раз в это время замелькали вспышки взрывов на горизонте, и на фоне их четко выделился силуэт второго человека, сидевшего рядом с шофером. Однорукий! Мишка даже не удивился, так он был уверен, что сегодня обязательно встретит шпиона. Он сразу узнал его по характерному подбородку. Повернув голову к шоферу, инвалид что-то говорил. Мишка прижался ухом к холодному, как лед, железу кабинки, но ни одного слова разобрать не мог.

Дорога пошла в гору. Выехали снова на асфальтированное шоссе, и машина помчалась еще быстрее. По сторонам мелькали силуэты деревянных домов и голые деревья. Значит, они выехали на окраину города. Неожиданно машина затормозила, остановилась, и мотор заглох. Открылась дверца, и из кабины вышел однорукий. Мишка комочком съезился в углу кузова и замер, задерживая дыхание. Послышались гудки, и мимо прошумела обогнавшая машина.

— Где они? — услышал Мишка голос шпиона. Шофер завозился в кабине, и, видимо, тоже вышел из машины.

— Вон за теми домами расположились, до парка. Видите? Это все воинские части. Темные пятна-то... Неужели не видите? — сказал он вполголоса.

— Вижу.

Некоторое время оба стояли молча, вглядываясь в темноту.

— А по ту сторону, у самой дороги...

Слышно было, как они, шаркая по асфальту, обошли грузовик и остановились.

В это время в треск зенитной стрельбы врезались густые раскаты взрывов.

— Бомбят, — пробасил шофер.

Снова наступило молчание. Высоко в небе гудели улетающие самолеты, и по звуку их моторов Мишка угадал немцев. Гудение немецких бомбардировщиков доносилось волнами и этим резко отличалось от наших. Зенитки били безостановочно, и желтые вспышки мигали на разной высоте.

— Отбомбились...

— Да...

— Тс-с... Кто-то идет.

Мишка высунул голову над бортом кузова и увидел Приближавшегося человека.

— Эй, друзья! Не найдется ли закурить? — спросил мужчина простуженным голосом.

— Найдется, — ответил однорукий. — Закуривай.

— Вот спасибо-то! Даже папиросочка... Чиркнула спичка, и Мишка успел разглядеть красноармейца с простодушным курносым лицом.

— Целый день не курил... Хорошо!

— Возьми несколько штук, — сказал однорукий.

— Вот спасибо-то, браток. Ну, теперь я живу. В походе, знаешь, табак — первое дело.

Яркие вспышки, словно зарницы, осветили горизонт. Все трое обернулись.

— Смотри, что делает, дьявол... Каждую ночь бомбит. Город разрушает, — сказал

красноармеец.

— Да. Это где-то на Петроградской стороне бросил, — вздохнул однорукий. — Наверно, к штурму готовится.

— Ну, насчет штурма, пожалуй, кишка тонка. Не выйдет у него со штурмом, — уверенно возразил красноармеец.

— Думаешь?

— Будь покоен. Не пустим немца в город.

— Драться-то некому.

— Почему некому? В Ленинграде народу много. Миллионы. Такая сила народу!

— Техника-то у него очень сильная, — сокрушенно сказал однорукий. — Пулковские высоты, говорят, захватил.

— Насчет Пулковских высот не знаю... не слыхал.

— Вы тоже на фронт идете?

— Конечно. Дойдет и до нас черед, а когда — неизвестно. Стоим вот, ждем. Мы, значит, в резерве считаемся, — ответил красноармеец.

— Вот как! У нас резервы есть? Ну, тогда еще ничего...

— А то как же! У нас и танки есть и артиллерия, все, как полагается. Будь уверен. Вон сколько войска стоит!

— И давно вы тут стоите?

— Вторые сутки. Формировались-то мы за Парголовом. Там и обучение проходили, а сейчас сюда подвели. Поближе.

— И долго вы тут простоите?

— А кто его знает! Наверно, постоим с неделю.

— Разведчики немецкие не видят? Как бы вас не разбомбили раньше времени.

— Мы замаскировались. Видишь вон. Ни одного огонька, ничего не заметно.

— А днем?

— И днем спрятаны подходяще.

— По карте могут бомбить, — насмешливо сказал однорукий.

Слушая разговор, Мишка дрожал от обиды и возмущения. Он прямо задыхался от злобы на этого болтуна.

— Как вас одели? Не мерзнете? Теплое дали? — спросил шофер.

— Одели-то? — переспросил красноармеец. — Это военная тайна, браток. Не велено говорить. Насчет снабжения и все такое строго запретили. Чтоб, значит, языком не трепать понапрасну.

— Это верно, — согласился все с той же иронической ноткой в голосе однорукий. — Ты держи язык за зубами, Ну как, охладился мотор? — спросил он шофера.

Тот с недоумением повернул к нему голову, но сразу сообразил, что это сказано нарочно, и, еле удерживая смех, потрогал рукой железное крыло и серьезно сказал:

— Охладился... Теперь можно ехать.

— Ну, счастливо, браток, — крикнул однорукий, залезая в кабинку.

— Добрый путь. Спасибо вам.

Машина тронулась. Одинокая фигура красноармейца еще долго маячила на фоне начавшегося где-то пожара.

Снова ветер начал забираться под одежду. Стало невыносимо холодно, гораздо хуже, чем в начале езды.

Скоро машина свернула в сторону и пошла тише. В одном месте она остановилась. Из кабинки вылез однорукий.

— Постарайся не опоздать, — сказал он и захлопнул дверцу.

— Не опоздаю, — ответил шофер.

Машина пошла дальше. Только когда они проехали сотню метров, Мишка сообразил, что ему нужно было бы тоже вылезть и следить за шпионом, но теперь уже было поздно.

Они ехали по переулкам, и, видимо, дорога была хорошо известна водителю.

Поворачивал он круто и смело, иногда, на короткое время, зажигая фару. Наконец он повернул в последний раз, остановился и дал два гудка. Мишка высунул голову и разглядел деревянные ворота. За воротами раздался собачий лай, загремела железная скоба, и ворота открылись. И снова Мишка не успел сообразить, что, не теряя ни минуты, ему нужно выскочить из машины. Но они уже въехали во двор, и ворота за ними сразу закрылись.

Мотор заглох.

— Что так долго, Сеня? — послышался женский голос.

— Дела задержали, — ответил шофер. — Привез тебе керосину.

Мишка замер. Сейчас они начнут выгружать керосин и обнаружат его.

— Ладно. Потом снимем. Устал, наверно, и есть хочешь, — остановила его женщина.

— Устал малость. Тише ты, Грумик! — прикрикнул он на собаку, которая повизгивала от радости и прыгала вокруг хозяина.

— А новостей привез? — спросила женщина.

— Какие новости! Под Пулковом сильные бои. Говорят, такая мясорубка...

— В городе драться станут. Читал воззвания-то?

— А что воззвания, — бумага! Сами сдадут. Теперь уж — ах!.. Со всех сторон окружили... — Говоря это, шофер поднял сиденье и возился в кабинке. — Держи-ка, Катя. Это на чердак, — шепотом продолжал он, передавая жене чемоданчик. — Не урони случайно.

— Опять... — со страхом сказала женщина.

— Ну поставь в сени, я подниму сам.

— Боюсь я, Сеня.

— Волков бояться — в лес не ходить. Ничего, ничего. Сам по себе не взорвется.

Пошли.

Когда шаги удалились и хлопнула дверь, Мишка облегченно вздохнул. В ответ на этот вздох послышалось грозное ворчанье собаки.

14. ЗАЖИВО ПОХОРОНЕННЫЙ

В то время когда Мишка забрался на грузовик и помчался в неизвестном направлении, его команда по обыкновению собралась в своем штабе. Прождав с полчаса своего командира, ребята разошлись на посты. Вася со Степой направились по Большому проспекту. Дойдя до Бармалеевой улицы, Васька посоветовал приятелю свернуть налево, а сам отправился дальше, к площади Льва Толстого. Условились встретиться часа через два у Дома культуры Промкооперации.

Не успел Степа сделать и ста шагов, как захлопали зенитки и завывла сирена. Мальчик прибавил ходу и остановился под аркой первого попавшегося дома.

Куда идти? Степка припомнил, что за высоким, недавно построенным домом есть большой пустырь, где лежат груды не убранного еще мусора и где легко прятаться. Туда он и направился, стараясь двигаться ближе к стенам домов.

Над головой творилось что-то невообразимое. Воздух звенел от летевших в небо снарядов, от гула самолетов, от разрывов и стрельбы.

В такие минуты Степка чувствовал себя хорошо только на крыше, когда город лежал внизу и кругом все было видно. Здесь же, между домов, которые обступали со всех сторон, могли рухнуть и раздавить, — он чувствовал себя плохо. Страх закрадывался в душу мальчика.

Ярко-желтая ракета взлетела в небо и повисла фонариком на невидимом парашюте. Степка услышал треск ракетницы и заметил, откуда была пущена ракета. Страх как не бывало. Все мышцы мгновенно натянулись, как на старте перед командой «вперед». Мальчик сорвался с места и побежал. Перед ним был длинный забор какого-то склада...

Где-то здесь скрывался враг.

Фонарик в небе погас. Степка остановился как вкопанный и моментально шархнул к

забору, когда увидел, что из калитки вышла темная фигура в длинном пальто.

Фигура постояла с минуту на месте и, не видя пешеходов, подняла руку. В руке мелькнул язык пламени, вверх взлетела белая полоска — выстрел, и новый фонарик ярко загорелся в небе.

Теперь Степка разглядел женщину, которая быстро уходила и поминутно оглядывалась. Он выждал, когда она скрылась за углом забора, и что есть духу бросился за ней. Осторожно он заглянул за угол. Женщина была сравнительно недалеко и шла уже спокойным шагом в тени домов.

«Только бы не потерять ее из виду», — подумал мальчик и быстро пошел следом, постепенно нагоняя женщину.

Свет ракеты освещал дома на другой стороне улицы. Зенитки оглушительно били где-то совсем близко. Звонко шелкали осколки по крышам, но Степка ничего не слышал и не видел, кроме идущей впереди ракетчицы. Они все дальше и дальше уходили из опасной зоны.

Неожиданно из подворотни вынырнул милиционер и поднял руку.

— Вы чего гуляете? Предъявите пропуск, — сердито остановил он приближавшуюся женщину.

— Я тут живу... близко.

Степка видел, как она торопливо вышла на мостовую и направилась на освещенную сторону улицы.

— Давайте в подвал! Живо! Кому я говорю!

Слышите, гражданка? — крикнул милиционер и зашагал наперерез.

Женщина повернула и, постукивая каблуками, побежала назад.

Ракета потухла, и все погрузилось в темноту. На всякий случай Степка нащупал в кармане электрический фонарик, полученный от Буракова после поимки первого ракетчика. Женщина поравнялась с ним и свернула в переулок. Мальчик побежал следом. Милиционер не стал преследовать нарушительницу и вернулся на свой пост.

В переулке у первого же дома ракетчицу снова задержали две девушки из группы самозащиты.

— Гражданка, идите во двор. Там бомбоубежище, — строго сказала одна из них.

— Пустите меня. Я тороплюсь. Пустите...

— Никаких «пустите»... Вам говорят... Девушка крепко схватила ракетчицу за рукав пальто и насильно потянула под ворота. Женщина отбивалась.

— Оставьте! Это безобразие! Как вы смеете!.. — закричала она на всю улицу.

Но девушки не обращали внимания на крики и решительно тащили ее в укрытие. Степку это вполне устраивало. Никем не замеченный, он медленно двигался за ними на расстоянии нескольких шагов и радовался, что ракетчица поднимает скандал. «Хорошо бы ее в пикет отправить и оштрафовать, — подумал мальчик. — Тогда можно адрес и всё узнать». Вдруг женщина закричала пронзительно, не своим голосом:

— А-а... Избивают!.. Помогите! Девушки растерялись и отступили в сторону от визжавшей женщины. Ей только этого и надо было. Сломая голову она бросилась за ворота и чуть не сшибла с ног Степку.

В это время завывала бомба. Земля вздрогнула и словно раскололась со страшным треском. Женщина прижалась к водосточной трубе. Степка замер. Странно! Он совсем не испытывал страха. Злорадно он думал, глядя на женщину, остановившуюся от него в нескольких шагах: «Накликала на свою голову. Не нравится? Трясись... трясись...»

Завывала вторая бомба. Снова дрогнула земля, но взрыва не последовало. «Не разорвалась!» — подумал Степка Неожиданно женщина бросилась назад, под ворота.

Мальчик пропустил ее, шагнул за ней и снова увидел ее посреди пустого двора.

— Где подвал? Кто-нибудь тут есть? — с дрожью в голосе крикнула она, беспомощно оглядываясь по сторонам.

— Налево иди... в конец. Там бомбоубежище, — раздался спокойный мужской голос из какого-то подъезда.

Ракетчица, постукивая каблуками по асфальту, побежала налево к подъезду и, распахнув дверь, увидела лестницу, освещенную тусклым электрическим светом. Облегченно вздохнув, она медленно стала спускаться в бомбоубежище.

До войны в этом подвале хранились дрова. Сейчас все деревянные перегородки были сняты, а вместо них стояли выкрашенные мелом столбы, подпиравшие железные балки. Подвальные окна были плотно закрыты толстыми досками, обитыми железом. На длинных скамейках, на стульях, понутив головы, молча сидели люди, прислушиваясь к глухим звукам стрельбы. Около них стояли чемоданы и узлы. Вдоль стен, вплотную друг к другу, лепились детские кровати. Видимо, некоторые из постоянных жильцов дома здесь и ночевали. Тишину в бомбоубежище нарушали малыши, одетые по-зимнему. Громко переключаясь, разговаривали, бродили они в проходах, гонялись друг за другом, играли в прятки.

Когда Степка спустился вниз, он чуть не наскочил на ракетчицу. Она стояла прислонившись спиной к столбу. Голова у нее была откинута назад, губы плотно сжаты, глаза полузакрыты. Степка прошел вперед и, прислонившись к другому столбу, принялся внимательно разглядывать женщину, чтобы запомнить ее лицо, одежду, рост. Она почувствовала пристальный взгляд мальчика и повернула к нему голову.

В этот момент вдруг что-то затрещало, земля вздрогнула, и страшный удар поднял Степку, понес куда-то и бросил в полную темноту. Он потерял сознание.

Фугасная бомба весом в полтонны, или «пятисотка», как ее называли, попала в крайний флигель дома, пробила все шесть этажей и разорвалась в подвале. Стена флигеля откололась и медленно рухнула вниз, загроздив всю улицу.

Из поврежденных труб водопровода хлынула вода, и никто не знал, как ее остановить.

— Она там!.. Она там!.. Ее засыпало в подвале!.. — с криком отчаяния металась среди обломков женщина, прибежавшая из соседнего дома. — Спасите ее!.. Спасите! — умоляла она, цепляясь за платья растерявшихся дружинниц.

Смятение царило недолго. Властный голос высокого человека в кожаном пальто быстро образумил уцелевших. Появились бинты, носилки. Замелькали фонарики. Нашли и завернули краны в трубах, поток воды остановился. Пришли машины «Скорой помощи», приехали пожарники. Прибыли воинская часть и команды МПВО. Очаг поражения оцепили.

Степка начал приходить в себя после того, как чья-то холодная мокрая рука провела по его лицу. В ушах стоял глухой гул, и сквозь него доносились неясные звуки. Степка лежал и напряженно слушал, стараясь разобрать слова. Высокий женский голос где-то далеко и очень глухо, с небольшими перерывами, кричал: «Оленька! Оленька!» Другой женский голос так же глухо бормотал со стоном: «Ох! Смерть моя... Голубчики, родные... Дайте света немножко... Ослепла я, что ли...»

Последние слова заставили Степку широко открыть глаза. Плавали мутные пятна, расходились и таяли, как круги по воде. Степка понял, что это ему только кажется, а на самом деле кругом полная темнота. Боли он нигде не чувствовал, и его беспокоила только онемевшая нога. Степка хотел ее растереть, но рука наткнулась на что-то мягкое, пушистое. Испугавшись, он отдернул руку, но затем снова решительно протянул ее и нащупал меховой воротник, холодную шею, волосы. Женщина, потерявшая сознание, лежала у него в ногах. Мальчик сел. Теперь он почувствовал боль во всем теле, а ногу точно кололо иголками. Он поднялся. Рука его уперлась во что-то мягкое и холодное. Мертвый человек лежал рядом с ним. Упав на колени, Степка пополз в сторону. Рука его наткнулась на чьи-то ноги, влажные, липкие лица и волосы. Внезапно он соскользнул куда-то вниз и оказался по колено в воде. Страх охватил Степку.

— Кто ту-ут? — изо всех сил закричал он и еще больше испугался. Своего голоса он почти не услышал.

— Оленька! Оленька! — еле слышно отозвался женский голос.

И всё. Как ни вслушивался Степка, больше ничего разобрать не мог. Даже бормотавшая раньше женщина молчала. Чем напряженнее он вслушивался, тем сильнее гудело в ушах. Протянув руки вперед, снова бросился он в сторону, наткнулся на скамейку и забрался на нее с ногами. Ноги успели заоченеть в холодной воде. Однако теперь он немного успокоился. Он вспомнил, как попал сюда, вспомнил, что где-то здесь находится ракетчица и что — живую или мертвую — он обязан ее найти. И странно! Как только страх начал проходить, гул в ушах постепенно затих, и он услышал звуки. По-прежнему с перерывами кричала женщина; «Оленька! Оленька!», а ближе к нему бормотала другая. Кроме того, Степка начал различать новые звуки... То были стоны, и доносились они из разных мест. Вдруг он услышал голоса людей, — правда, приглушенные, еле доносившиеся к нему. Степка затаил дыхание и разобрал слова.

— Вода поднялась. Нас затопит...

— Надо попытаться самим...

— Будь они трижды прокляты!..

— Главное — без паники... Слышите, стучали... Сердце у Степки радостно забилось.

Он не один.

— Дяденька-а! Где вы? — крикнул мальчик, и голос его был уже не такой глухой.

В ответ раздался стон. Степка сунул руку в карман, фонарик оказался на месте. Свет полосой скользнул по груди тел, лежавших в самых невероятных позах на скамейках и друг на друге. Под ногами блеснула черная вода. Из воды торчали руки и словно хотели схватить Степку за полы его пальто. Он невольно попятился к стенке.

— У кого фонарь? Эй! — услышал он мужской голос.

— У меня! Я тут! Где вы? — крикнул Степка.

— Иди сюда...

— Куда? Тут вода глубокая...

— Свети мне... На меня свети... В полосе света Степка увидел пробирающегося к нему мужчину.

— Вниз свети, зачем же ты в лицо?.. Вот. Ты ранен?

— Не знаю... Только в ушах гудит очень...

— Контузило... Подожди-ка... Еще живая. Захлебнется, пожалуй.

В двух шагах от Степки он склонился над женщиной, лежавшей в воде, и приподнял ее. Это была ракетчица. Голова ее беспомощно откинулась назад.

— Держите ее, дяденька... Я помогу, — сказал Степка и спустился в холодную воду.

— Фонарь не урони, — предостерег мужчина. — Без фонаря совсем плохо.

Ракетчица сопротивлялась, когда они ее понесли. Бессознательно она цеплялась за все, что попадало ей под руки, и они с трудом добрались до соседнего подвала. Здесь взрыв произвел меньшее разрушение, и жертв было немного.

Около стены были составлены уцелевшие кровати, на них лежали скамейки, образуя помост. Забравшись на эту площадку, люди жались друг к другу, Ракетчицу положили с краю помоста. Какая-то женщина стала приводить ее в чувство, растирая виски и хлопая по щекам.

Фонарик свой Степка отдал мужчине.

У стенки кто-то заплакал.

— Опять слезы?.. Товарищи, мы же условились. Главное — без паники, — сказал мужчина.

— И без того воды много, — неожиданно сказала женщина, возившаяся с ракетчицей.

— Сильно прибыла?

— Если так будет прибывать, то часов на десять хватит.

— А за десять часов можно новый дом построить...

— Стучат... стучат!

Наступило молчание, и Степка ясно услышал глухой стук за стеной. Там работали

дружинники, разбирая завал.

— Им надо ответить, — сказал Степка.

— Стучали уж, — хрипло ответил кто-то. — Вопрос в том, успеют ли раскопать нашу могилу, пока нас не затопит?

— Конечно, успеют, — уверенно сказал мужчина. Снова наступило молчание, и только где-то в глубине подвала по-прежнему выкрикивал высокий женский голос: «Оленька! Оленька!»

— Чего она кричит? — тихо спросил Степка. — С ума сошла...

В это время ракетчица пришла в себя и села на краю помоста. Она оглянулась по сторонам и со стоном закрыла лицо руками.

— Успокойтесь. Вы живы... и, кажется, целы, — ласково сказал мужчина, похлопав ее по руке. Затем он повернулся к Степке: — Послушай, паренек, фонарик твой я заберу, а то спички кончились.

— Возьмите, дяденька, — сказал Степка. Ему ужасно нравился этот спокойный и дельный человек.

— Пойду искать. Там еще много живых.

— Я пойду с вами... Я врач, — сказала женщина, возившаяся раньше с ракетчицей, и прыгнула в воду.

Когда они скрылись в другом отделении подвала, наступила темнота и напряженное молчание.

15. В БЕРЛОГЕ ВРАГА

Мишка пошевелился, и собака сердито заворчала. Положение создалось скверное. Он слышал, как собака бегала вокруг машины, скребла когтями по борту.

— Грумик! Грумик! — ласково позвал он, но в ответ собака залилась злым лаем.

— Чтоб ты сдох! — выругался шепотом Мишка.

Собаки он не видел, но по тому, что она доставала передними лапами борт грузовика, понял; какого роста этот Грумик. Лай его тоже говорил, что играть с Мишкой он не собирался. Время тянулось мучительно долго, и Мишка продрог до костей.

Наконец хлопнула дверь на крыльце, и женский голос позвал:

— Грумик, иди домой!

Лай сменился довольным повизгиванием, но сейчас же собака бросилась к грузовику и снова залаяла.

— Что ты там нашел, Грумик?

Снова повторился визг и грозный лай в сторону машины. Видимо, женщина поняла собаку и, встревоженная, ушла в дом. Скоро двери хлопнули вторично, и во двор с лампой в руках вышел шофер. Жена его стояла с ним рядом. Мишка лежал не дыша, притаившись в углу кузова, но это ему не помогло.

— Что он? Крысу учуял?

— Нет. Ты посмотри, Сеня. Он бы так лаять не стал.

— Ну, хорек забрался. Что там, Грумик? Ищи! Грумик царапал лапами по борту.

— Ну-ка, поддержи лампу, Катя. Едва лишь шофер встал на подножку и заглянул в кузов, как сразу увидел съездившегося мальчика.

— Верно! Тут кто-то есть... Эй, гражданин! — толкнул он в спину скорчившегося Мишку.

Притворяться дальше было бесполезно, и Мишка нехотя поднялся.

— Ты как сюда попал?.. Постой, постой... Свети-ка на него, Катя. Э-э-э! Да это знакомый! Как же это ты с Петроградской стороны сюда угодил?

— А я с вами приехал.

— В гости? — басил добродушно шофер, помогая Мишке выбраться. — Вылезай, коли в гости приехал, проходи в горницу... Нельзя, Грумик!

Он пропустил Мишку вперед себя на крыльцо и запер за собой дверь.

— Садись, гость, — сказал шофер, указав на табуретку, а сам прошел в конец комнаты к столу, на котором стояла еда, пустая пол-литровая бутылка из-под водки и шипел самовар.

Очутившись в теплой, чистенькой комнате, Мишка стал дрожать, и чем дальше, тем больше, так что через две минуты у него зуб на зуб не попадал.

Жена шофера хмуро смотрела на лихорадящего мальчика и, ни слова не говоря, села напротив.

— Зачем ты приехал? — спросил шофер, принимаясь за прерванный ужин.

— А я сам но знаю, — еле выговорил Мишка. Хотя его знобило, но голова была ясная, и он не терялся.

— Как это сам не знаешь? Как тебя зовут?

— Степка, — на всякий случай соврал Мишка, вспомнив своего приятеля, дежурившего сейчас где-то на Петроградской стороне.

— Степка?.. Ты рассказывай, рассказывай.

— Сеня, ты погляди, как он замерз. Трясется, бедный, даже смотреть страшно, — с жалостью сказала женщина.

— Ничего, это ему на пользу. Отогреется.

— Дать ему чаю горячего?

— Не надо. Пускай сначала скажет, зачем приехал.

Наступило молчание. Мишка сжал зубы и, затаив дыхание, напряг все мускулы, отчего сразу перестал трястись, и только где-то внутри, под ложечкой, осталась неприятная дрожь.

Собака лежала около хозяина и, положив лапы, смотрела на мальчика. Шофер громко чавкал и тоже не спускал глаз с гостя. Покончив с едой, он подошел к жене и, обняв ее за плечи, сел рядом на один стул.

— Ну так что? Будешь говорить?

— А чего говорить?

— Зачем ты приехал?

— Да так... прицепился, значит, хотел к дому подъехать, а потом машина шибко поехала, я и побоялся соскочить... Ну и, значит, заехал, сам не знаю куда... — сказал он, глядя ясными глазами прямо в лицо шоферу.

Объяснение было настолько правдоподобным, что шофер задумался. Ему ли не знать ленинградских мальчишек! Прицепившись к трамваю, к троллейбусу, к грузовику, они не пропустят удобного случая бесцельно прокатиться в любом направлении. Можно сказать с уверенностью, что если бы им удалось пробраться на аэродром, то и тут они, ни секунды не задумываясь, уцепились бы за шасси первого поднимавшегося самолета. Но тут случай был особый. Мишка относил письмо к «их» человеку и принес очень странный ответ.

Шофер достал из кармана портсигар и молча закурил. Затем вынул часы и посмотрел на них. При взгляде на эти часы Мишка чуть не подпрыгнул. Черные, с золотым ободком, они были, как две капли воды, похожи на те, что он видел у однорукого и на столе у майора. У мальчика в голове мелькнула озорная мысль.

— Вы не знаете, сколько сейчас времени? — четко сказал Мишка.

Шофер внимательно посмотрел на него. Мальчик был бледен, глаза его блестели. Он медленно повернул часы циферблатом к мальчику.

Мишка не мог рассмотреть, где стоят стрелки, но так же решительно и четко продолжал говорить слова, врезавшиеся ему в память:

— А у вас не найдется закурить? На губах шофера заиграло нечто вроде улыбки, и он, не спуская глаз с бледного лица мальчика, спросил:

— А ты что куришь? Махорку или табак?

— Папиросы, — твердо сказал Мишка.

Шофер неожиданно расхохотался, вылез из-за стола и хлопнул Мишку по плечу. Смеялся он долго, весело, и ему вторил веселым лаем Грумик, запрыгавший вокруг хозяина.

— Ну и парень!.. Заводной!.. — повторял он между взрывами смеха.

Немного успокоившись, он обратился к жене, которая с недоумением смотрела на эту странную сцену.

— Вот это парень! Покорми-ка его, Катя. Так ты, значит, только папиросы куришь?!

Через пять минут Мишка хлебал жирные горячие щи из свежей капусты и не поднимал глаз от тарелки. Что, если шофер начнет его о чем-нибудь расспрашивать? Одно неосторожное слово выдаст его, и тогда конец. Живым отсюда ему не уйти.

К счастью, хозяин успокоился. Он, с наслаждением причмокивая, пил чай.

— Очень я люблю чай с вареньем пить. Брусничное варенье с яблоками или черносмородиновое... Эх!.. Ну, ничего... Скоро не только с вареньем, с французским ромом попробуем. Тебе не приходилось чай с ромом пить, Степка?

— Нет.

— И я не пивал. Говорят, вкусная вещь. Выпитая водка сильно подействовала, и шофер разговорился. Он начал болтать о своих планах. Рассказал, что собирается съездить в родную деревню и кое с кем свести там счета. Он начал ругать большевиков с такой ненавистью, что Мишке стало не по себе. Ему первый раз в жизни пришлось встретиться в такой обстановке с врагом, и он понял, что пощады от него ждать не придется.

Мишка съел щи и принялся за чай. Шофер пристально смотрел на него помутившимися глазами и вдруг сказал:

— Степка, а ты Петра Ивановича знаешь? Это был тот самый вопрос, которого мальчик ждал и так боялся. Но, когда вопрос этот был задан, он не растерялся.

— Дядя, разве я похож на того дурака?

— Какого дурака? — настороженно спросил шофер.

— А вот который на дороге вам все рассказал. Помните? Где войска стояли... Красноармеец подошел, покурить попросил...

Шофер вдруг опять разразился хохотом.

— Верно, дурак!.. Я Петру Иванычу показываю, а он сомневается. Вон, говорю, где они размещены. Ну, а этот подошел и все рассказал... Побольше бы таких дураков, — говорил он сквозь смех.

В этот момент загудела сирена, и шофер нахмурился и замолчал. Некоторое время все молчали, прислушиваясь.

— Хуже всего, когда она воет, — сказала жена.

— А ты не бойся. Здесь не будет бомбить.

— А вдруг сорвется нечаянно?

— Как она может сорваться? Там техника. Немцы — народ аккуратный, зря не будут бомбы кидать. Они знают, куда надо... Верно, Степан?

— Верно! — согласился Мишка. Вой сирены кончился. Наступила тишина. Шофер встал и потянулся.

— Спать пора. Завтра чуть свет подниматься, — сказал он, направляясь в соседнюю комнату. — Ну, Степан, давай ложиться, а утром я тебя подброшу по пути. Постели ему, Катя.

Но Мишка не собирался оставаться на ночь в этой берлоге. Он встал из-за стола, чинно поблагодарил хозяйку и пошел к выходной двери.

— Скажите, где у вас это... уборная, — спросил он.

— А как выйдешь в прихожую, сразу налево дверь будет... Ты возьми лампу.

Мишка покосился на керосиновую лампу, в которой еле мерцал привернутый фитиль, и спросил:

— А там разве нет электричества?

— Нету. Вывернули лампочку, а то через щели свет видно.

Захватив лампу, Мишка вышел в прихожую. Дверь на улицу он сразу увидел. Он, крадучись, сделал несколько шагов к ней, поставил лампу на пол, снял крюк и распахнул дверь. Холодный воздух охватил его, и Мишка невольно вздрогнул. «Может быть, остаться до утра?» — подумал он, но тут же отбросил эту мысль. «А вдруг придет однорукий? Нет. Времени терять нельзя». Он вышел на улицу. Глаза, как это бывает при переходе от света к темноте, ничего не видели. Вытянув руку вперед, мальчик нащупал забор и пошел вдоль него. «Надо хотя бы чем-нибудь отметить дом», — подумал он. В конце забора он сорвал пучок мокрой травы и торопливо запихнул ее между рейками. Захрустел песок, затем Мишка споткнулся о дощатый тротуар и наконец почувствовал под ногами булыжники мостовой. Где-то вправо от него блеснул фонарик. Мишка быстро зашагал на огонек. Глаза постепенно привыкали к темноте, он уже различал вокруг себя силуэты домов и деревьев. Вдруг перед ним выросла темная фигура и загородила ему дорогу. Яркий луч фонарика снова ослепил глаза. От неожиданности Мишка шарахнулся в сторону.

— Кто такой? Стой! Пропуск есть?

— А ты кто такой, чтобы пропуска спрашивать? — ответил мальчик, разобрал по голосу, что перед ним какой-то старик.

— Я ответственный дежурный. Предъяви пропуск.

— А чего ты мне в глаза светишь? Отверни фонарь, — рассердился Мишка. — Какая это улица?

— Белосельская, — неуверенно сказал старик, сбитый с толку повелительным тоном мальчика.

— А номер дома?

— Который?

— Да вот этот, — Мишка ткнул рукой в сторону.

— Этот? Пятьдесят шесть.

— Понятно. А теперь веди меня скорей, куда надо.

— Куда?

— К начальнику. В милицию или в штаб... Где у вас штаб обороны?

— Н-не знаю... — замялся старик. Он теперь, видимо, и сам был не рад, что остановил мальчишку.

— Веди скорей! Пропуска у меня нет.

— Ладно уж, иди. Тебе спать пора, — добродушно сказал старик.

— Какой же ты дежурный? — возмутился Мишка. — Задержал, а теперь на попятный.

А может, я фашист, с парашютом спустился?

— Не болтай языком-то. Иди, пока не попало.

Старик отошел от него.

— Слышишь, дед? — крикнул Мишка. — Где у вас милиция?

— Отцепись. Ничего я не знаю. Иди своей дорогой. — Старик сел на лавочку перед домом.

Мишка остановился в раздумье. В его распоряжении было мало времени. Дорога каждая минута, а если он будет сам искать милицию или штаб в незнакомой местности, то шофер, пожалуй, успеет скрыться. Выход был один: рассердить старика, чтобы тот отвел его в милицию.

— Эх ты, дежурный! На лавочку уселся и уже захрапел! А тоже мне — «Стой! Пропуск есть?» — передразнил он старика.

— Не хулигань, парень. Иди, пока цел, — с угрозой проворчал старик.

— Очень я тебя испугался. Ах! Ах!.. Держите меня, я в обморок падаю от страха...

Он добился своего. Выведенный из себя, старик подошел и схватил Мишку за шиворот.
— Не хочешь по-хорошему, — на себя пеняй. Идем! Они прошли несколько домов и остановились.

— Маша! — крикнул старик в темноту. Ему отозвался молодой женский голос.

— Маша, отведи-ка этого фрукта в милицию и скажи, что он без пропуска ходит. И скажи еще, что хулиганит. Скажи, что меня всячески поносил при исполнении служебных обязанностей. Поняла?

— Он убежит от меня, дедушка.

— Не посмеет.

— Никуда я не побегу. Ведите скорей, — сказал Мишка нетерпеливо.

Девушка внимательно посмотрела на задержанного. Она была одного роста с Мишкой и явно боялась этого отчаянного парня, который сам напрашивается в милицию.

— Куда идти? — спросил Мишка и, не дожидаясь ответа, быстро зашагал по дороге, изредка оглядываясь назад.

Конвойная не отставала, однако шла па почтительном расстоянии.

— Теперь направо надо свернуть, — сказала она у переулка.

— Сюда, что ли? Да ты иди вперед. Улицы у вас... как в деревне, — проворчал Мишка, поджидая своего конвоира.

Так они и дошли в полной темноте до отделения милиции. Конвоир впереди, а задержанный сзади.

16. В КОМНАТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

На подступах к Ленинграду шли напряженные, кровопролитные бои. Атаки следовали одна за другой. Танки прорывались на окраины, и каждый раз, по расчетам немецких штабов, Ленинград должен был пасть. Уже назначен был день и час парада «непобедимой» германской армии на исторической площади города у Зимнего дворца... Но защитники Ленинграда решили иначе, и парад пришлось отложить.

В эти дни в Ленинграде об отдыхе думать было некогда.

Майор государственной безопасности, вернувшись с улицы Воскова, наскоро выпил стакан крепкого кофе, чтобы прогнать туман, стоявший перед глазами от переутомления, и вызвал Воронова на допрос.

Бессонные ночи давали себя знать. Как только он садился на стул, мысли начинали расплываться, таять и во всем теле появлялась слабость. Майор встряхивал головой, усилием воли «приводил себя в порядок», закуривал папиросу и снова углублялся в бумаги. Нельзя было дать опомниться диверсантам. Искать... Искать...

Разматывать клубок как можно скорее.

Наглое, вызывающее презрение, с которым Воронов держался у себя дома, после того как были найдены его сокровища, теперь сменилось трусливой предупредительностью. На предложение майора сесть он поспешно опустил на кончик стула и замер в ожидании. Вся его фигура выражала смирение, покорность и преданную готовность.

«Эти люди в такие минуты начинают говорить с приставкой "с"», — подумал майор.

— Ваша фамилия? — задал он обычный вопрос.

— Чего-с? — переспросил арестованный. Майор улыбнулся. Догадка его подтвердилась. Когда были заданы и записаны анкетные вопросы, майор отложил в сторону перо, откинулся на спинку стула и закурил.

Теперь начиналось самое трудное — узнать правду.

— Вы, конечно, догадываетесь о причинах вашего ареста?

— Совершенно верно-с. Я думаю, что мои сбережения... — немедленно ответил Воронов, но майор его перебил:

— Ваши сбережения меня интересуют в той мере, в какой они связаны с вашей деятельностью.

— Какой деятельностью?

— А вы разве не понимаете?

Арестованный подумал и, не опуская глаз, горячо заговорил:

— Нет. Если вы говорите о моей служебной деятельности, — я весь тут... как на ладошке. Кроме благодарностей, за мной ничего... Я был на лучшем счету. Спросите в правлении, спросите кого угодно.

Воронов долго говорил о своих убеждениях, о безупречной работе, о безграничной любви к родине.

— Я верю вам, — спокойно и почти ласково сказал майор, когда арестованный кончил. — Я верю вам, но ведь это, к сожалению, слова. В моем распоряжении имеются факты, которые говорят совершенно другое. Может быть, мы перейдем ближе к делу?

— Не знаю, о каких делах вы говорите.

— А вы подумайте. Я вас не тороплю. Вы человек взрослый и знаете, где находитесь.

— Нет. Вы мне не верите, — горько сказал Воронов после минуты раздумья.

— Почему вы так решили?

— Да так, по всему видно.

— Вы мне столько говорили о своих убеждениях, о своей замечательной работе, о том, как вы любите свою родину... Вы меня очень убедили, и я вполне вам поверил. Здесь, очевидно, какая-то ошибка. Если бы от меня зависело, я бы вас освободил немедленно. Вы не огорчайтесь. Мы быстро исправим эту ошибку. Может быть, это клевета чья-нибудь? Завистников много. Одним словом, считайте, что все это пустяки, недоразумение.

Арестованный взглянул на майора, и в его глазах блеснул огонек.

— Я вижу, вы меня за дурака считаете.

— Как и вы меня.

После этой реплики майору стало ясно, что представление комедии окончено. Начинается второй этап допроса, более сложный.

— Итак... Что вы мне еще скажете, гражданин Воронов?

— Я не знаю, что вам надо от меня.

— Меня интересует ваша деятельность, особенно за последний месяц.

— Какая там деятельность! Я все время в саду, около Госнардома, землю копал. Блиндажи строили.

— А еще?

— Все. Вы меня посадили, — значит, сами должны знать, за что посадили.

— Опять начинаем в дурачки играть?

— Вам хорошо на том стуле рассуждать.

— А вы хотели со мной местами поменяться? Нет, этот вариант, пожалуй, не выйдет.

— Как знать, — не выдержал арестованный, но сейчас же спохватился и поправился: — «От сумы да от тюрьмы не отказывайся», как пословица говорит.

— Да, да... Вот мы и начинаем понимать друг друга...

В это время зазвонил телефон. Майор снял трубку и услышал голос одного из помощников.

— Товарищ майор, вас вызывает Бураков.

— Где он?

— Где-то за городом.

— Может он позвонить сюда?

— Да.

— Сообщите ему мой номер.

Майор жестом предложил арестованному выйти из комнаты следствия.

— Отдохните здесь и подумайте немного, а то вы не совсем верно расцениваете свои возможности, — с улыбкой сказал он, указав на стул в коридоре.

Вернувшись в комнату, майор развернул газету в ожидании звонка, но читать не мог. Слишком были взвинчены нервы. Через пять минут зазвонил звонок и в трубке послышался

знакомый голос Буракова.

— Алло! Это я, Костя говорит.

— Слушаю. Как дела?

— Дела? Слава богу — не дай бог... — весело сказал Бураков, и майор понял, что тот конспирирует разговор. — Я далеко уехал. У самых Коломяг с нашим приятелем простился. На улице чертовски холодно.

— С каким приятелем?

— Да вот инвалид. Он — парень деловой, что хочешь достанет.

— Так. Дальше.

— Мы же на машине уехали. Какой-то грузовик, полуторка, подвернулся. Шофер вашу посылку получил и поехал. А Михаил, не будь глуп, тоже забрался и с ними поехал... чего пешком ходить? Ну, и я решил не отставать, — может, и мне что перепадет. Ты меня слушаешь, Ваня?

— Да, да. Откуда ты говоришь?

— В канцелярии совхоза телефон нашел. В Коломягах. Теперь я думаю остаться ночевать с инвалидом. Поздно уж. Меня Михаил беспокоит. Уехал с шофером и не сказал, куда поехал. Я тебе записочку послал, а звоню так, на всякий случай. В порядке у вас? Бомбил сегодня сильно.

— У нас все в порядке.

— А тебе Михаил не сказал, куда он собирался поехать?

— Пока что сведений нет.

— Я на Петроградскую звонил, — продолжал Бураков. — Новостей нет, только Степан не вернулся до сих пор.

— Это я знаю. Ну что, выслать людей к тебе? Как адрес? Я сам приеду.

— Я записочку тебе отправил, Ванюша. Знакомые ребята захватили. Ну, все. Дежурная ругается, нельзя, говорит, телефон пустяками занимать. Сердитая, спасу нет. Ну, будь здоров.

Майор нажал на рычаг и, разъединившись, набрал номер своего кабинета. Приказав помощнику без задержки прислать к нему донесение Буракова, он спросил, нет ли каких известий от ребят с Петроградской стороны, и в частности от Панфилова.

— Товарищ майор, — сказал помощник. — На Геслеровском упала бомба. Там есть жертвы и засыпано бомбоубежище. Василий Кожух мне сообщил, что Панфилов направился именно туда. Кто его знает... Ведь никто не застрахован...

— Не будем гадать, — сказал майор и повесил трубку.

Перед глазами встала картина его знакомства с ребятами на крыше. Неужели этот сметливый, с живыми, любопытными глазами паренек погиб? Вспомнил майор, с какой гордостью рассказывал мальчик о потушенной им «зажигалке» на соседней крыше, и сердце у него сжалось.

— Не будем гадать, — повторил он шепотом, отгоняя назойливую мысль, и вышел из комнаты.

Воронов сидел в позе полной покорности судьбе и даже не поднял головы на проходящего мимо следователя.

Майор спустился в канцелярию, просмотрел документы личного обыска и взял отобранные у арестованного черные мужские, с золотым ободком, часы.

В практике своей работы майору много раз приходилось сталкиваться с остроумными изобретениями врагов: шифрами, паролями, значками, и, конечно, эти часы он не оставил бы и раньше без внимания, но сейчас они его заинтересовали еще больше. Из канцелярии он прошел к себе в кабинет, взял вторые часы и снова спустился в комнату следствия.

— Прошу вас, — сказал майор арестованному, сидевшему в коридоре все в той же позе, и открыл дверь. — Ну, как, нового ничего не придумали? — спросил он, когда Воронов сел на стул посреди комнаты.

— А что мне придумывать? Я весь тут.

— Это ваши часы? — спросил майор, доставая из кармана часы, снятые с убитого человека в районе Сиверской.

Воронов мельком взглянул на часы.

— Мои.

— Хорошие часы. Давно они у вас?

— Давно... лет пять.

— Подарок или купили?

Этот вопрос заставил Воронова насторожиться, и он чуть замедлил ответ.

— Купил.

— Где вы их купили?

— Не помню. Кажется, на рынке, с рук, у какой-то женщины. Она говорила, что умер ее муж, понадобились деньги, и вот пришлось продать часы, которыми умерший сильно дорожил.

— Прекрасные часы. Но они почему-то без фирмы.

— Это неважно. Главное — чтобы хорошо ходили.

— Но они как будто стоят.

— Не может быть. Я утром заводил.

— Посмотрите.

Майор протянул часы Воронову. Тот взял и приложил их к уху.

— Действительно стоят, — с удивлением сказал он и повернул несколько раз головку. — Я отлично помню, что заводил сегодня утром.

— Какое их назначение? — неожиданно спросил майор.

— Назначение часов?.. Время показывать.

— А еще?

— Не знаю... Я не понимаю, о чем вы спрашиваете, — с недоумением сказал арестованный.

— Неужели не понимаете? А я вижу, что вы все еще в дурачки играете. Вы посмотрите внимательно на часы. Пять лет часы носите, каждый день заводите, а не запомнили их. — То есть как не запомнил?

— Вы утверждаете, что это ваши часы?

— Конечно, мои.

— Ну, значит, я спутал. Извините. Верно, от переутомления. — С этими словами майор вынул из кармана другие часы и положил их на стол. — Но эти идут. Утром заведены, — сказал он с усмешкой.

Эффект получился даже больший, чем ожидал следователь.

При виде вторых часов у Воронова глаза широко открылись, словно перед ним на стол положили гранату, которая уже шипит и через три секунды взорвется. Он даже отшатнулся на стуле.

— Которые же ваши часы?

— Не знаю, — глухо сказал Воронов. — Часы одной фирмы.

— Немецкой фирмы.

— Может быть, и немецкой.

— Однако они произвели на вас впечатление, как я заметил.

— Конечно, я удивился... Я думал, что таких часов... Я не встречал их в Ленинграде.

— Значит, вы решили запереться?

— Я не запираюсь. Спрашивайте.

— Каково назначение ваших часов?

— Я уже сказал вам. Часы существуют для того, чтобы показывать время.

— А еще?

— Больше я ничего не могу сказать.

Упорство и отчаянное заперательство врага ничуть не раздражали майора. Наоборот, он испытывал даже удовольствие от этой борьбы. Старый чекист, он работал по призыванию,

с увлечением, и, чувствуя, что в его руках важные нити, разматывал клубок осторожно. Спешка в таких делах, кроме вреда, ничего не приносит. Если опытный враг почувствует ошибку, он сейчас же ею воспользуется и запутает следствие. Вот он сидит, закусив губы, но в душе у него полная растерянность. «Откуда вторые часы? Кто из их банды попался и что успел выболтать? Какие материалы находятся у следствия? Куда исчез племянник? Где жена? Сознаться? Хотя бы немного облегчить свою участь признанием?» Но Воронов не спешил с признанием. Тяжелое положение, в котором находился Ленинград, давало ему какую-то надежду. Он, как было известно майору, ждал прихода немцев, был в этом уверен и, видимо, поэтому решил затягивать следствие, выигрывая время.

17. ТАЙНА ЧАСОВ

Началась вторая тревога. Майор прекратил допрос. Он вернулся в свой кабинет и, положив обе пары часов на стол, повернулся к своему помощнику, который сидел в кресле около телефона.

— У вас нет знакомого часовщика?

— Есть, в нашем доме, — сказал помощник.

— Сейчас его нельзя вызвать?

— Поздно, товарищ майор... А впрочем, если срочное дело...

— Вызывайте. Очень меня эти часики интересуют.

Помощник набрал номер. Ответа долго не было.

— Боюсь, что соседи мои в подвал спустились... Нет... Кто-то снял трубку. Алло! Кто говорит?.. Маринка, это я... Узнала? Ты не боишься?.. Слушай, девочка, спустись вниз, к Александру Андреевичу, и скажи ему, чтобы он приготовил инструменты. Я сейчас приеду за ним. Скажи, что есть дело.

Повесив трубку, помощник встал и начал одеваться.

— Разрешите идти?

— Идите.

Оставшись один, майор позвонил на Петроградскую сторону. Степан Панфилов и Михаил Алексеев до сих пор не вернулись и не давали о себе вестей. Что с ними случилось? Ночных пропусков ребята не имели, и, если бы их задержали, из милиции был бы телефонный звонок. Что-то подсказывало майору, что мальчишки находятся в центре важных событий и каждую секунду от них нужно ждать интересных сведений. Майор откинулся в кресле и закрыл глаза.

Наперегонки тикали часы на столе. Глухо и торопливо стучали зенитки. Звуки удалялись, сливались, путались и вдруг исчезли. Майор задремал.

Когда он открыл глаза, было тихо. Все тело его затекло, зато голова была свежей, точно он принял холодный душ.

В дверь постучали.

— Войдите!

Вошел помощник со старым человеком маленького роста, в громадных очках. Казалось, что эти очки мешают старику, потому что смотрел он поверх стекол, держа голову вниз.

— Товарищ майор, вот Александр Андреевич, часовщик, о котором я вам говорил. Замечательный мастер своего дела.

— Очень приятно. Садитесь, пожалуйста.

Часовщик неподвижно стоял у двери и смотрел на майора, словно не слышал приглашения. Вдруг он сорвался с места, торопливо подошел к креслу и сел, положив на колени портфель с инструментами. Порывистым движением он снял шапку, обнажив совершенно лысый череп с выпуклыми жилками, и, снова наклонив голову, уставился на майора поверх очков.

— Вы меня извините, что потревожил вас в такое позднее и беспокойное время, — с

улыбкой начал майор, — Но я почему-то думаю, что вы не пожалеете. У меня есть любопытные часики. А чем они любопытны, я и сам не знаю. Может быть, в них ничего особенного и нет... Вот... Обыкновенные часы... — С этими словами майор передвинул часы на другой конец стола, к самому носу маленького человека.

Часовщик, не меняя позы, перевел взгляд, и теперь очки емугодились. Через эти увеличительные стекла он мельком взглянул на часы и снова поднял глаза на майора.

— Посмотрите, пожалуйста, и скажите, прав я или ошибаюсь? Не найдете ли вы в них чего-нибудь особенного?

Без единого слова старичок открыл портфель, вытащил крошечную отвертку, придвинул к себе лампу и попытался открыть заднюю крышку. Крышка не открывалась, но это не смутило мастера. Повертев перед глазами часы, он быстро догадался, что крышка на резьбе, и отвинтил ее. Теперь движения его замедлились. Изучая механизм, он плавно наклонял его, поворачивал, заглядывая под маятник.

— Немецкая фирма, — сказал он неожиданно высоким тенорком, положив часы на стол.

— Я тоже так думал. Интересного ничего не нашли? Обыкновенные часы?

— Есть дополнительный механизм. Как у будильника.

— Вот, вот, вот... — обрадовался майор. — Может быть, вы подробней посмотрите?

— Не знаю. Я первый раз встречаю такие часы, — сказал старик.

Он бесцеремонно отодвинул чернильный прибор в одну сторону, книги и бумаги — в другую. Очистив место на столе, он разложил инструменты на листе чистой бумаги, предупредительно положенном майором, и занялся часами.

Майор и его помощник с любопытством наблюдали за его работой.

Наконец мастер открыл секрет. Искоса он посмотрел на майора, и на лице у него появилась сдержанная гримаса, словно он раскусил очень кислую клюквину. Это была улыбка. Неторопливо собрал он часы, положил их на бумагу и стал собирать свои инструменты, в беспорядке запихивая их в портфель.

Майор терпеливо ждал.

— Ну, все ясно. Уразумел, — сказал старик.

— Вам ясно, а я пока что в тумане.

Часовщик с недоумением посмотрел на майора, удивляясь, вероятно, технической отсталости человека. У него на глазах он докопался до секрета, разбирал часы, и тот ничего не понял.

— Ничего тут сложного нет, — заговорил он поучительным тоном, каким обычно разговаривают взрослые с детьми, объясняя, как обращаться с подаренной заводной игрушкой. — Что вы видите здесь? Ободок из желтого металла. Если вы внимательно посмотрите на него, то как раз под цифрой двенадцать на этом ободке есть маленький выступ, или шпенек. Он поднимается. Смотрите, — старик ногтем подковырнул шпенек и поставил его в вертикальное положение. — Теперь за него можно привязать нитку, проволочку или что-нибудь в этом роде. Таким образом, как в будильнике, ободок можно поставить на любой час, и когда стрелка часов подойдет, то... то... они сделают то, что надо. А вообще часы как часы. Штамповка.

Майор давно понял назначение часов, но не перебивал старика.

— Бомба замедленного действия... — сказал он в раздумье.

— Может быть, — согласился старик. — Но действие ее ограничивается двенадцатью часами.

— ...Или механизм от адской машины.

— Все может быть... Механизм для фотоаппарата, для сигнала, для чего угодно...

— Очень вам благодарен, — спохватился майор, заметив, что мастер встал. — Вы

действительно замечательный специалист. Так быстро открыли секрет.

Старик, не слушая похвалу, разыскивал скатившуюся с колен шапку.

— Отвезите Александра Андреевича домой и рассчитайтесь.

— Мне ничего не нужно, — сердито сказал часовщик, нахлобучивая шапку.

Не прощаясь и не оглядываясь, он пошел к двери. Больше заниматься часами не пришлось. Принесли донесение Буракова, и майор решил поехать сам в немецкую колонию, где ночевал однорукий. Прежде чем покинуть кабинет, он подошел к телефону, намереваясь позвонить на Петроградскую сторону. Майор уже положил руку на трубку, чтобы снять ее с рычага, как раздался короткий звонок.

— Слушаю.

— Алло! Кто у телефона? — услышал майор звонкий мальчишеский голос. — Это я, Мишка Алексеев говорит. Мне надо товарища майора. Срочно надо. Позовите скорей.

— Я у телефона, Миша.

— Это вы? Вот хорошо-то! У меня важное дело. — Только вы скажите этому милиционеру, что я вовсе не трепач, а то он не верит. Я ему трубку отдам.

— Дежурный по отделению у аппарата, — раздался через несколько секунд мужской голос.

Майор назвал себя, объяснил, что задержанный ими Алексеев Михаил хорошо ему известен и что если он добивается телефонного разговора, то, значит, у него серьезное дело. После этого попросил передать трубку мальчику.

— Алло! Товарищ майор, вы меня слушаете?

— Да, да. Говори, что у тебя.

— Алло! Я даже не знаю, с чего начать. Надо скорей. Когда я письмо от вас получил... помните, вечером...

— Подожди, — перебил его майор, — На машине ты уехал в Коломяги. Это я знаю. Говори, куда ты попал после того, как безрукий сошел с машины?

От удивления Мишка поперхнулся, закашлялся, но скоро пришел в себя.

— А это... Вы откуда знаете?.. Ну, в общем, я к нему прямо во двор заехал. Сначала он меня боялся, а потом я такую штуку отмочил, что он совсем перестал бояться. Он подумал, что я тоже из ракетчиков. Товарищ майор, он такой вредный! А потом я убежал от него.

— От кого убежал? Кто он?

— А этот шофер-то.

— Сколько их там?

— Трое. Он сам, потом жена и еще собака Грумик. Здоровая!

— Они заметили, как ты убежал?

— Сначала нет, а теперь-то, наверно, хватились.

— Адрес знаешь?

— Я найду. Я там отметинку сделал.

Расспрашивать о подробностях по телефону было неудобно. Какую «штуку отмочил» Мишка, майор не знал, но чувствовал, что все дело если не испорчено, то крайне осложнено. Но так или иначе, а надо принимать меры, и медлить нельзя.

— Передай трубку дежурному, — сказал он. Дежурный по отделению, выслушав майора, сразу понял задачу — организовать наблюдение за домом, а в случае чего и задержать шофера с женой, если они надумают скрыться.

18. ДОМ КОЛОНИСТА

Деревянный дом немца-колониста казался необитаем. Окна были затемнены изнутри и закрыты ставнями снаружи. Ни одной светлой щелки, ни одного звука

— ничего, что указывало бы на присутствие внутри людей.

Бураков сидел на скамейке наискосок от дома и прислушивался к шагам дежурной по улице. Он уже два раза предъявлял ночной пропуск — сначала пожилой полной женщине,

затем другой, в громадном полушубке. Обе дежурные пытались выяснить, что делает на их улице незнакомый человек, и успокаивались только тогда, когда узнавали, что он представитель пожарной охраны района.

В ясном небе мерцали звезды, словно они ежились от холода.

Бураков утешал себя тем, что к утру он попадет в теплое помещение и отогреется, а на фронте люди мерзнут не меньше и этой надежды не имеют. Чтобы разогнать кровь, Бураков прошелся по улице и остановился около дежурной.

— Замерзли? — спросил он женщину.

— Нет. Я тепло одета.

— Вы давно здесь живете?

— Давно. Отец после революции сюда переехал. Тут женился и все время живет. Я здесь родилась, — охотно ответила дежурная.

— Вы значит, совсем еще молодая.

— Конечно, молодая. Это, наверно, полушубок меня старит. Он неуклюжий, но зато теплый.

— Вы русская?

— Русская. Почему вы спросили?

— Просто так. Здесь, кажется, немцы живут?

— Да. Много немцев. Раньше здесь была немецкая колония.

— Вы их не боитесь?

— А чего бояться? Мы с ними никаких дел не имеем. Они сами по себе, мы сами по себе. Они живут очень замкнуто и мало кого к себе пускают.

— А вдруг немцы город захватят? Положение очень серьезное.

— Нет, это невозможно... Столько жертв, — и неужели не удержим?

— Удержим! Первый натиск отбили.

— Ну вот видите... Первый натиск — самый сильный.

Бураков помолчал, потом спросил:

— Вы работаете?

— Да. На заводе.

— На каком заводе?

— Вы очень любопытный. Здесь, на Выборгской стороне.

— Ну, если это военная тайна... Отец ваш тоже работает?

— Нет. Ушел в ополчение. Два брата на фронте... Все дерутся.

— Значит, вы сейчас одна?

— Мама есть. Она в ночной смене работает. Бураков затеял беседу с целью получить кое-какие сведения о живущих здесь немцах, но разговор незаметно свернул в сторону.

На горизонте вспыхнули узкие столбы прожекторов.

— Опять, что ли, налет? — проворчал Бураков.

— В наш завод немцы две бомбы сбросили, — сказала девушка и засмеялась. — В ответ на это у нас производительность поднялась.

— Это как в сказке, — сказал Бураков. — В заколдованном войске. Одному голову срубят, на его место десяток новых встанет.

— Да, — сказала девушка.

— А как эти... ваши соседи себя чувствуют? — спросил Бураков. — У них ведь сложное положение. С одной стороны, они советские граждане, а с другой — немцы... Наверно, сочувствуют?

— Не знаю. Молчат они...

Столбы прожекторов неожиданно исчезли, и только один с громадной скоростью упал на землю. Казалось, что сейчас донесется свист рассекаемого воздуха и удар от падения.

Раздались гулкие шаги, и темная фигура высокого человека вынырнула из переулка.

Девушка решительно направилась к пешеходу, но Бураков удержал ее за рукав.

— Что вы хотите делать? — спросил он шепотом.

— Пропуск надо спросить, — также шепотом ответила она.

— Стоит ли? А впрочем, спрашивайте. Дежурная перешла на другую сторону улицы и загородила дорогу высокому человеку.

— Предъявите ночной пропуск!

— Какой там еще пропуск!

— Кто вы такой?

— Пусти-ка... Я тут живу.

— Гражданин, я дежурная и прошу не толкаться, — с достоинством сказала девушка.

— Ну и дежурь на здоровье...

— Вам говорят, предъявите пропуск.

— Не приставай.

Она шла следом за ним, а по другой стороне улицы двигался Бураков, готовый в любую минуту прийти ей на помощь. Голос и рост нарушителя были ему знакомы. Без сомнения, это был шофер, получивший письмо для однорукого.

— Гражданин, предъявите пропуск, иначе я вас отправлю в милицию, — твердо сказала дежурная. Шофер остановился.

— Ты? Меня? В милицию? — со смехом переспросил он. — Да как же это ты сделаешь? Я же тебя, как муху, могу одним щелчком... Хочешь?

Он протянул руку, намереваясь щелкнуть ее по носу, но услышал из темноты предостерегающий голос Буракова:

— Эй ты!.. Без фокусов! А то неприятностей не оберешься. Иди, куда идешь.

Шофер опустил руку и, немного помолчав, дружелюбно пробасил:

— То-то она такая храбрая...

— В чем дело, гражданин? Предъявите пропуск, вам говорят, — настойчиво потребовала женщина.

— Вот пристала. Да я уж дома. Вот он... — С этими словами шофер поднялся на крыльцо и сильно забарабанил в дверь кулаком.

Дежурная потопталась на месте, не зная, как ей поступать дальше, и медленно перешла на другую сторону улицы.

— Послушайте, ведь это... — начала она говорить вполголоса, но Бураков остановил ее жестом.

— Потом...

Они стояли молча, слушая, как шофер постучал еще раз, как в доме что-то скрипнуло и раздалось бормотание.

— Свои. Это я, Семен, — громко ответил шофер. — Петр Иванович у вас? Срочное дело есть. Да открывай ты...

Слышно было, как звякнул засов, как открылась дверь, затем снова загремел засов, и все стихло.

— Вы сказали «потом»? — спросила шепотом девушка.

— Потом объясню, — сказал Бураков. — Не знаете ли вы где-нибудь поблизости телефона?

— На почте есть телефон.

— Это далеко... Придется в совхоз идти.

— Да, да... В совхозе есть, — торопливо подтвердила она.

Девушка чувствовала в голосе незнакомца едва сдерживаемое волнение.

— Как зовут вас? — неожиданно спросил Бураков.

— Валя.

— Скажите, Валя, вы давно на заводе работаете?.. Вы, случайно, не в партии?

— Я комсомолка, и совсем даже не случайно...

— Тем лучше, — обрадовался он, не обращая внимания на иронию. — Очень важное дело... Я должен пойти позвонить по телефону. Могу я попросить вас посмотреть за домом? Если этот человек выйдет, то мне нужно знать — один он выйдет или с кем-нибудь...

Потребуйте у него опять пропуск и посмотрите, кто с ним идет. Это очень важно.

— Пропуск я у них потребую, конечно, раз я дежурная, но я не понимаю...

— Потом... потом я объясню. Могу я на вас положиться, Валя?

— Конечно.

— Я быстро вернусь. Звонить Буракову не пришлось. В конце улицы зашумела машина и узкий луч через щели замаскированной фары скользнул по домам. Бураков торопливо вытащил из кармана электрический фонарик, зажег его и замахал из стороны в сторону, на всю ширину руки. Большая крытая машина, вроде автобуса, ответила отрывистым гудком и скоро остановилась в нескольких шагах от него.

— Что это значит? — спросила девушка.

— Идите теперь на свой пост. Потом расскажу, — отрывисто сказал Бураков и пошел к машине.

Из кабинки вышел плотный высокий человек и приветливо похлопал по плечу Буракова.

— Замерз?

— Уже успел отогреться, товарищ майор. Минут пять тому назад к нему пришел шофер. Тот, что полторку сюда пригнал.

— Вот как! Значит, мы только-только успели. Который дом?

— Вот этот.

— Не на месте остановились. А что за домом?

— За домом у них крытый двор, сарай, а дальше огород. Огород выходит на ту улицу.

— Сколько их в доме?

— Не могу сказать.

— Надо полагать, что будут сопротивляться...

— Наверно...

— Делаем так; возьми половину людей и оцепи дом сзади и по бокам. Стрелять в крайнем случае и только в ноги.

— Есть!

— Это что за фигура стоит?

— Дежурная из группы самозащиты.

— Отправь-ка ее куда-нибудь в сторонку. Бураков подошел к девушке, с удивлением наблюдавшей эту сцену, и сухо сказал:

— Валя, я просил вас вернуться на свой пост. Выполняйте.

— Но я...

— Не нужно вопросов. Потом. Выполняйте приказание.

Холодный тон, каким были сказаны эти слова, совершенно обескуражил девушку. Она без возражений вернулась к своему дому. Издали она видела, как из машины вылезли темные фигуры красноармейцев и разошлись в разные стороны. Часть скрылась в переулке, часть расположилась на улице около дома колониста. Минут через десять вернулся Бураков и доложил, что дом окружен.

19. АДСКАЯ МАШИНА

Когда шофер, споткнувшись о порог, с шумом ввалился в дом, там все спали. Впустившая его старуха, жена хозяина, ворча на позднего гостя и проклиная плохие времена, поставила на стул ночник и ушла за перегородку, не ожидая вопросов.

В доме было темно. На полу лежала перина. На ней, в сапогах и в одежде, спал человек, которого звали Петром Ивановичем. От первого прикосновения однорукий проснулся и сразу же сунул руку под подушку.

— Это я, Петр Иванович... Семен, — шепотом сказал шофер, присаживаясь на корточке около перины. Инвалид снова лег.

— Ну что тебе? Водки не хватило?

— Неприятности, Петр Иванович... Что-то очень подозрительное получилось... Мальчишка-то этот, что с письмом к Воронову ходил, — сбежал...

— Какой мальчишка? Куда сбежал?

Шофер торопливо рассказал о том, как обнаружил в машине мальчика, как тот прикинулся «своим», поел и, вместо того чтобы лечь спать, куда-то исчез.

— А почему же ты, мудрая голова, решил, что он «свой»?

— Он же мне, Петр Иванович, пароль сказал... все как полагается. Спросил время и насчет покурить, — папиросу... слово в слово. Я думал, что вы ему объяснили. Письмо опять же носил...

— При чем тут письмо?.. Я ему ничего не говорил.

Шпион задумался.

Привычное ухо шофера уловило гудки и звук подъехавшей машины, но он не придал этому значения, ожидая, что решит начальник.

— Воронов ему не мог сказать, — проворчал наконец одорукий. — Ты точно разглядел мальчишку? Тот самый, что письмо носил?

— Ну как же, Петр Иваныч... Я его очень даже отлично запомнил.

— Это совершенно случайный мальчик. Я нашел его на улице... И письмо Воронова... совершенно бессмысленное, — рассуждал шепотом инвалид. — Если он сорвал полоску с окна, то это значит — катастрофа... Не могла же она сама по себе сорваться! Если ее сорвала жена, когда вытирала окна... Но тогда бы он написал... Нет... Нет... Тут что-то не то.

— Петр Иваныч, можно, я скажу?

— Ну?

— Пакеты в чемодане вы передавали кому-нибудь?

— Никому я их не передавал. Они только у тебя да здесь.

— Вам же их доставили... Помните, вы говорили про человека?.. Так, может быть, тот человек как-нибудь сообщил... искал подходящих людей...

— Чушь! Тот человек был в городе всего два дня. Он сейчас далеко за фронтом и войдет в Ленинград вместе с армией. С какой стати он будет связываться с мальчишками? Чушь... чушь... Скорей всего, что ты спяна чего-то напутал.

— Да господи... Петр Иванович... Да я что хотите... землю буду есть... Да неужели я напутал?.. Не такое время, чтобы путать, Я же понимаю, что малейшая оплошность — и амба... Восемь граммов получайте... Сознательно иду.

Так они, перешептываясь, сидели на полу и все больше запутывались в своих догадках. Загадочный случай с убежавшим мальчишкой, знавшим пароль, сильно встревожил шпиона.

Привычным ухом шофер снова уловил знакомые звуки за стеной дома. Вот водитель, прогревая мотор, включил скорость, машина пошла и остановилась. Водитель переключил на другую скорость... снова переключил... Машина разворачивалась, и где-то совсем близко.

— Что ты слушаешь?

— Машина, Петр Иванович.

— Ну что «машина»?

— Стояла около дома, а сейчас отошла. Раздался сильный стук в дверь. Оба вскочили на ноги и с тревогой переглянулись.

— Кого там еще принесло? — недовольным тоном спросила из-за перегородки старуха.

— Сейчас узнаем...

Одорукий, осторожно ступая, чтобы не скрипнула половица, вышел в сени, но, прежде чем открыть дверь, посмотрел в щель почтового ящика, специально для этого устроенную и закрывавшуюся откидной планкой изнутри. Глаза, привыкшие к темноте, ясно разглядели гостей. На крыльце стояли три темные мужские фигуры, и между ними внизу виднелись

головы красноармейцев.

Все объяснилось: шум подъехавшей машины, и побег загадочного мальчишки, и сорванная полоска в окне, и странное письмо, написанное под диктовку. Так же бесшумно однорукий вернулся назад и, плотно закрыв за собой дверь, сказал:

— Облава! Одевайтесь!

В комнате направо мужской голос крякнул и выругался.

Стук повторился.

Зажгли свет, и все обитатели дома, одеваясь на ходу, собрались вместе. Их было пятеро: хозяин дома, обрусевший немец, с женой и сыном, и двое гостей. Мужчины с угрюмыми, помятыми после сна лицами, с горевшими решительностью глазами, готовые на все, хмуро смотрели на шпиона. Старуха безучастно сидела около обеденного стола.

Снова раздался настойчивый стук.

— Надо выиграть время. Сходите, Матильда Вильгельмовна, спросите, кто там, и скажите, что мужа Дома нет.

Старуха послушно направилась в сени.

— Кто там?

— Откройте, гражданка... как вас... Матильда Вильгельмовна.

— А кто вы такой?

— Неужели по голосу не узнали? Это я... участковый инспектор.

— А что вы желаете?

— Дело есть. Откройте!

— Приходите лучше утром. Мужа дома нет.

— Откройте, Матильда Вильгельмовна! Важное дело.

— Я буду разбудить сына, пускай он вам Открывает. Подождите несколько минут.

Когда старуха вернулась в комнату, однорукий и все остальные осматривали пистолеты.

— Собирайтесь. Нужно уходить.

— Я никуда не пойду, — твердо заявила старуха. Шпион прищурился и посмотрел на нее долгим холодным взглядом, но, зная характер этой женщины, спорить не стал.

— Ваше дело, Матильда Вильгельмовна. А мы уйдем, пока время есть.

— Вы мужчины, — равнодушно пробормотала старуха и скрылась за перегородкой.

— Но вы им двери не открывайте. Пускай ломают, — вдогонку сказал ей однорукий.

Он направился в сени. За ним гуськом вышли остальные. Они осторожно спустились во двор, открыли двери хлева, где стояла корова и несколько овец. Это был единственный путь — пролезть через узкое окно и выйти на соседнюю глухую улицу.

— Карл, а где у тебя спрятаны чемоданы? — вполголоса спросил хозяина шпион. — Те, что приносил твой сын?

— Они в подполье, между бочками. Их нужно взять?

— Нет. Вынимайте пока раму из окна, а я с Семеном вернусь в дом на несколько минут. Постарайтесь без шума... Пойдем, Семен.

Шпион с шофером вернулись в дом, около плиты откинули тяжелую дверцу и с лампой-ночникком спустились в подпол. Здесь в закромах лежали картошка и овощи, на полках — банки всевозможной величины, на земляном утрамбованном полу — бочки с квашеной капустой. Между бочками они сразу нашли три чемодана заграничной работы.

— Свети, — приказал однорукий, вытащив один из чемоданов на середину.

Шофер уже знал назначение плотных серых пакетов, хранившихся в этих чемоданах, и с удивлением следил за действиями своего начальника. Однорукий достал черные карманные, с золотым ободком часы и внимательно посмотрел на шофера.

— Сейчас четыре часа. Пока они ломают дверь, пройдет полчаса. Затем начнется

обыск... ну, скажем, еще полчаса... достаточно... Значит, в пять часов — самое подходящее время. — С этими словами он поднял выступ на ободке и перевел его на пять часов, затем осторожно открыл чемодан. В сером пакете сверху было круглое углубление, как раз для часов, закрытое планкой. Шпион осторожно отвел планку, вложил часы циферблатом вниз в это углубление и снова перевел планку, которая закрыла и прижала часы.

— Значит, в пять часов к этому дому близко подходить не рекомендуется, — усмехнувшись, сказал он. — Что делать? Приходится расходовать не по назначению. Куда их спрячем? Давай-ка закопаем в картошку.

Они оба принялись разгребать картошку, и, когда образовалась яма, однорукий поставил в нее чемодан.

— А эти? — спросил шофер.

— И эти сюда. Рядышком. Ставь по бокам.

— Не много ли, Петр Иванович? Весь квартал ведь разнесет, — с тревогой спросил шофер.

— Ничего. Умнее будут. Пускай наши масштабы узнают. Ставь, ставь... не стесняйся.

Шофер осторожно поставил оба чемодана рядом с заряженным.

— А теперь заваливай картошкой, — сказал он. — Не бойся. Смелей заваливай. От сотрясения не взорвется.

В это время над головой раздался глухой стук.

— Что вы там нашли? — спросила старуха, заглядывая через открытый люк в подпол.

— Не нашли, а спрятали, Матильда Вильгельмовна. Клад спрятали. Вернемся — половину вам отдадим, — весело сказал однорукий, загоразивая собой работающего шофера.

— Не разбейте банки.

— Нет, нет. Все будет цело.

— Вы слышали?.. Они опять стучат.

— Пускай стучат. Пойдите успокойте их, а мы уйдем.

Голова старухи скрылась. Однорукий вернулся к шоферу. Убедившись, что картошка закрыла чемоданы и лежит ровно, он передал ему лампу.

— Пойдем, Семен.

Они быстро вылезли наверх, закрыли подпол и тихо вышли из дома.

— Я не могу вас пустить, — сердито говорила старуха через двери стоявшим на крыльце. — Приходите утром, когда будет светло.

— У меня срочное дело. Откройте лучше, Матильда Вильгельмовна. Иначе я прикажу сломать двери.

— Как сломать? Разве вы грабители, чтобы ломать...

— Откройте, вам говорят! — кипятился участковый инспектор. — Вот упрямая старуха... Я пришел с проверкой. Понимаешь ты русский язык?..

— Я не желаю больше разговаривать с грубияном, — сказала старая немка и ушла в дом.

Взглянув на майора, участковый беспомощно развел руками.

— Ломайте! — шепотом приказал майор.

С первыми ударами в дверь сухо щелкнули выстрелы где-то сзади дома и донеслись крики.

— Вот они куда направились, — спокойно сказал майор.

— Товарищ майор, разрешите, я побегу туда, — попросился Бураков и, не дожидаясь ответа, спрыгнул с крыльца.

— Стрелять только в ноги! — крикнул ему вдогонку майор. — Ну, что ж вы остановились? Ломайте!

Дверь затрещала под напором двух красноармейцев, но не открылась.

— Нет, так не сломать. Нужен инструмент. Разрешите, я сбегаю за ломиком, — сказал участковый.

Снова за домом затрещал автомат и в ответ ему — одиночные pistolетные выстрелы. Майор оставил красноармейцев на крыльце и быстро пошел в переулок к месту перестрелки.

20. АРЕСТ ШПИОНА

Машина была спрятана во дворе дома, где жила Валя. Девушка сидела на скамейке рядом с шофером и шепотом рассказывала ему о памятном дне 22 июня, думая совершенно о другом.

Девушка замолчала, когда раздался первый стук в дверь колониста.

— Скажите, — не выдержав, спросила она, — товарищ, который до вас дежурил здесь, правда пожарный инспектор?

— Это уж его частное дело, — добродушно ответил шофер, затянувшись папиросой. — Если говорит — пожарный, — значит, пожарный. Ему лучше знать.

Удары в дверь гулко разносились в ночной тишине улицы. Девушка тревожно прислушивалась к ночным шорохам. Ей казалось, что где-то крадутся невидимые враги, перешептываются, лязгают затворами.

Выстрелы заставили девушку вскочить с места.

— Вы слышали?

— Стреляют. Вот сейчас из автомата прошили. А это из винтовки... Опять очередь из автомата, — невозмутимо пояснял шофер.

— Могут быть раненые?

— Все может быть.

— Так чего вы сидите?.. Идите помогайте. Я бы на вашем месте давно там была.

— Нет. У нас так не полагается. Каждый имеет свое назначение. Мое дело около машины.

Мучительно тянулись минуты. Даже во время первых воздушных тревог Валя так не волновалась. При каждом шорохе она вздрагивала, готовая броситься на помощь. Когда до слуха донеслись удары, скрип и треск сломанной двери, она сердито дернула за рукав соседа.

— Ну что вы сидите?.. Живой же вы человек, на самом деле. Вы, наверно, там нужны.

— А если нужен, позовут.

Замелькали электрические фонарики, и из переулка вышли несколько человек. Впереди шел Бураков, освещая дорогу.

— Валя, вы здесь? — крикнул он в темноту.

— Да, да. Я здесь...

— Тут надо перевязочку сделать. Нельзя ли у вас в доме?

— Конечно, конечно. Идите. Она торопливо ушла в дом и зажгла свет. Топая тяжелыми сапогами, с шумом ввалилась группа взбудораженных борьбой мужчин, щурясь от яркого света. В комнате сразу стало неуютно, холодно и тесно.

— Бинты у меня есть, — взволнованно сказала девушка, мельком взглянув на арестованных.

— Не надо бинтов. Пакеты есть...

Бураков бросил на стол несколько индивидуальных пакетов, взглянул на Валю и залюбовался. С ярким румянцем на щеках от холода и волнения, она была очень красива.

— Так это... надо разорвать. Там есть подушечки и все такое, — спохватившись, сказал он, разрывая второй пакет.

— Я знаю. Дайте я сама.

Легко раненного в плечо красноармейца перевязали быстро, но с великаном-шофером пришлось повозиться. Пуля застряла в правой ноге, из раны сильно текла кровь. Его положили на диван. Разрезали и сняли сапог. Когда нашли рану и наложили повязку,

Бураков заметил, что диван, пол, сама Валя и все кругом перемазано кровью.

— Смотрите, что натворили!.. Не стоит он ваших забот.

— Может быть, чаю согреть? — сказала девушка.

— Ничего не надо. Сейчас мы уедем.

Наступило неловкое молчание. Валя посмотрела на задержанных, стоявших кучкой в углу, около печки. Двоих она знала — старика-немца с сыном, а третьего, однорукого, видела первый раз. Немцы стояли неподвижно, понутив головы. Инвалид нервно крутил пуговицу, независимо и гордо поглядывая по сторонам. Когда Валя встретила его взгляд, он даже чуть улыбнулся ей.

— Вы меня сегодня хотели отправить в милицию, барышня, а получилось хуже, — вдруг пробасил раненый шофер.

— Я? Когда?

— Неужели забыли? Пропуск ночной спрашивали...

— Прекратить разговоры! — перебил его Бураков.

— Терпи, Семен, атаманом будешь, — сказал однорукый.

— Я терплю, Петр Иванович...

— Сейчас мы с тобой в санаторий поедем...

— Отведите его в машину. Здесь, я вижу, ему не нравится, — сказал Бураков.

Сержант с автоматом подошел к инвалиду.

— Ну-ка, атаман, слышал приказ? Пойдем. Однорукый, пожав плечами, направился к двери. За окном послышался голос майора. Бураков выскочил во двор.

Майор стоял около машины с немкой-старухой, одетой в шубу. Конвой подвел к нему однорукого.

— Кажется, Петр Иванович? — спросил майор, осветив фонариком шпиона.

— Угадали. Я Петр Иванович.

— Я его в машину отправил, товарищ майор. Переговариваться начал, — сказал подбежавший Бураков.

Старухе помогли залезть в кузов, затем предложили подняться туда и шпиону.

— Скоро мы поедем? — спросил из машины однорукый.

— Ваши все здесь? — не отвечая на вопрос, спросил майор. — Никого там больше не осталось?

— Не знаю, — ответил шпион.

— Может быть, где-нибудь на сеновале задержались?

— Чего им задерживаться? — мрачно сказал шпион. — А впрочем, останьтесь, поищите. Но только нас отправляйте. Холодно, и спать хочется.

— Хорошо, хорошо. Будет исполнено, — в тон ему ответил майор и, повернувшись к конвою, вполголоса сказал: — Слышали, что за гусь? Смотрите внимательней. Ему терять нечего.

— Не беспокойтесь, товарищ майор, — тихо ответил сержант. — Не уйдет.

Майор повернулся к дому, вошел в освещенную комнату. Раненый красноармеец сделал попытку подняться ему навстречу.

— Сиди, сиди, Антипов, — сказал майор, усаживая его обратно на стул. — Крови много потерял?

— Я полнокровный, товарищ майор.

— Ну смотри... — проворчал майор и перешел к лежавшему на диване шоферу.

На бледном лице раненого лихорадочно горели злые глаза.

— Что смотришь, начальник? Скоро добавишь восемь граммов. Надо было сразу. Зачем второй патрон портить?

— Эх, как ты боишься патрона-то!.. Надо было раньше об этом подумать, — сказал майор.

Громыхая коваными сапогами, шумно вбежал красноармеец и остановился на пороге, еле переводя дух. Майор посмотрел на запыхавшегося бойца и сейчас же перевел взгляд на

арестованных. Немцы стояли по-прежнему, безразличные ко всему, а шофер с напряжением ждал, что скажет посыльный.

Майор сделал ему знак выйти на улицу.

— Что случилось?

— Сержант за вами послал, товарищ майор. Говорит, срочно нужны.

Дом колониста был по-прежнему оцеплен, а внутри шел обыск. Чекисты добросовестно перетряхивали тряпки, листали книги, переставляли мебель.

— Где сержант? — спросил майор, входя в комнату.

— Он в подполе... вот здесь.

Майор спустился вниз и застал сержанта за странным занятием. Опустившись на колени около бочки, он выслушивал ее, как врач больного, плотно прижимаясь к ней ухом.

— Что случилось, Замятин?

— Часы... — сказал сержант, поднимая палец кверху.

Майор наклонился к бочке и, затаив дыхание, прислушался. Действительно, еле слышно тикали часы.

— Слышите?

— Слышу. Но они не здесь. Не в бочке.

— Я с ног сбился... и туда и сюда. Тикают где-то, проклятые, а понять не могу.

— Надо искать, Они стали переходить с места на место, останавливаясь и прислушиваясь.

— Здесь. Где-то здесь, — сказал наконец майор, присев на корточки около закрома с картошкой. Сержант перешел к нему.

— Точно. Тут.

Начали разгребать картошку и сразу обнаружили три тяжелых чемодана заграничной работы. В одном из них тикали часы. Майор осторожно открыл чемодан.

— Что за багаж? — с удивлением пробормотал сержант, освещая лежавший внутри серый плоский пакет, размером как раз по чемодану.

— Этот багаж я давно ищу. Свети, свети, Замятин, а то как бы он не улетел наверх... — говорил майор, разглядывая пакет. — Вот этим кружочком они и закрыты. Ну, господи благослови, как говорится.

Он отодвинул кружок, под которым лежали часы.

— Пронесло пока что... Теперь надо их вынуть. Не привязаны ли они, черт их подери... Держись за воздух, Замятин.

Он осторожно приподнял сначала один край часов, затем другой, наконец решился и вынул их из углубления.

— Ну вот мы и живы с тобой, — сказал майор, вздохнув с облегчением.

— Хорошие часики! — простодушно заметил сержант.

— Да. Эти часики мы потом подарим тебе, мой дорогой, на память. Не найди ты их сейчас... Вот видишь этот шпенек... Он стоит на пяти. Значит, в пять часов этот домик со всеми потрохами должен был взлететь на воздух.

— Бомба, товарищ майор? — шепотом спросил сержант.

— Да. Двадцать минут нас отделяло от того света... Майор вдруг замолчал, невидящими глазами глядя в лицо сержанта. Замятин смутился, вытер нос рукавом.

— Замазался, наверно, я, товарищ майор... Майор, казалось, не слышал его слов.

— Так. Сейчас без двадцати минут пять, — как бы очнувшись, сказал майор своим обычным тоном, взглянув на часы. — Времени у нас хватит. Товарищ Замятин, никому ни слова об адской машине. Сейчас вы возьмете двух бойцов и приведете сюда арестованного, однорукого инвалида. Видели его?

— Как же. До сих пор бок саднит, как он лягнул, когда мы навалились.

— Приведете сюда, а сами встанете у дверей снаружи. Я его допрошу. Здесь допрошу. Понятно вам?

— Понятно.

— С арестованным ни одного слова. Давайте быстро.

Когда они поднялись наверх и сержант, приказав двум бойцам следовать за собой, вышел из дома, майор прибрал на столе, достал из буфета хлеб, масло, открыл захваченную из подпола банку с маринованными грибами и приготовился встретить гостя.

21. ПЯТЬ ЧАСОВ

Поимка шпиона совсем не означала, что он немедленно сознается в своих преступлениях. Майор и не рассчитывал на это. Наоборот, он готовился к напряженной психологической борьбе. Теперь у него в голове сложился новый план, настолько увлекательный, что стоило попробовать.

Шпион уверенно вошел в комнату и насмешливо уставился на майора.

— Товарищ майор, по вашему приказанию... — начал докладывать сержант.

— Хорошо. Оставьте нас вдвоем. Сержант откозырял, сделал знак конвоирам и вышел вместе с ними.

— Садитесь, Петр Иванович, — любезно предложил майор, указывая на стул.

— Почему вы нас не отправляете?

— Скоро отправлю. Вызвал санитарную машину за ранеными. Ваш друг неважно себя чувствует. Садитесь, поговорим. Время у нас есть.

— А сколько сейчас времени?

— Без четверти пять, — сказал майор, взглянув на свои часы.

Однорукий сердито посмотрел на вещи, в беспорядке разбросанные кругом, и криво усмехнулся.

— Что вам дал обыск? Нашли что-нибудь?

— Я и не рассчитывал что-нибудь найти у такого Практика... Да вы присядьте.

Однорукий неохотно сел на предложенный ему стул.

— Хотите поесть? Я вас рано поднял, — наверно, и позавтракать не успели.

— Зачем вы привели меня сюда?

— Имею несколько вопросов.

— Я не буду отвечать здесь. Везите, куда следует, там и поговорим.

— Это само собой, но мне, знаете ли, очень хотелось познакомиться с вами скорей. Много о вас я слышал. Человек вы умный, сами понимаете, что карта ваша бита, так я рассчитываю на вашу полную откровенность.

— Нет. Отправляйте в тюрьму, а там будет видно.

— Чего вы так в тюрьму торопитесь? Успеете. Шпион посмотрел на него долгим холодным взглядом, видимо рассчитывая минуты.

«Что, если он скажет об адской машине?» — мелькнуло в голове майора.

— А у вас, я вижу, кошки на сердце скребут, — злорадно сказал он и усмехнулся.

— Почему кошки?

— Трусите. И пальцы дрожат... Да, спета ваша песенка, Петр Иванович.

Эти слова и тон, каким они были сказаны, больно хлестнули по самолюбию шпиона. Он откинулся на спинку стула и высокомерно взглянул на майора.

— Вы хотите от меня откровенности? Пожалуйста. Скажу откровенно, что вы глупы, как пробка. Майор расхохотался.

— Неужели я таким выгляжу? Раньше мне говорили другое... Но все-таки как же это случилось, что я вас поймал? Вы умны, а я глуп, и вдруг...

— Что ж, повезло вам.

— Ах, вот в чем дело!

— Да, но только ненадолго.

— Неужели рассчитываете убежать?

— Эх... убежать! — сказал шпион. Он сжал руку в кулак так, что захрустели суставы, и этим немного успокоил себя.

— Трусите, трусите, — со смехом сказал опять майор. — Я вашу натуру немного знаю. «Молодец против овец»... Слышали такую поговорку?

Не стоило больше дразнить его. Однорукий засунул руку в карман и слегка покачивался на стуле. Он не слушал майора. О чем он думал? Что за борьба происходила в его душе? Угадать было трудно.

Драгоценные минуты уходили бесполезно. Майор уже решил, что все потеряно, план его провалился, как вдруг инвалид вздрогнул и, подняв мутные глаза, хрипло спросил:

— Что вы хотите от меня?

— Система вашей работы — раз, ваши соучастники — два, ваши задания, кроме ракет, — три... Ну, и пока хватит.

— Сколько времени?

— Без восьми минут пять часов.

— Уже без восьми... — откашлявшись, горько заговорил шпион. — Самое неумолимое в жизни — это время. — Он неожиданно встал и запел: — «Что час, то короче к могиле наш путь...» Такая песня была в дни моей молодости, — пояснил он. — Теперь только я понял эти слова. Нет. Я не боюсь смерти... Я знал, куда иду и зачем. Обидно только то, что плоды будут пожинать другие. Не завтра — послезавтра Ленинград падет, и в этом есть и моя заслуга. Я ждал этой минуты давно. Я готовился к ней...

— Выпейте воды.

Однорукий вытер пелену, выступившую у него на губах, выпил залпом предложенную воду и безумными глазами посмотрел на майора. Лицо его было бледно, и верхняя губа чуть подергивалась.

— Сколько времени?... А впрочем, не надо... не говорите... Вы справедливо сказали, — моя карта бита... Да, бита, только не вами. У вас еще нос не дорос, чтобы меня обвести вокруг пальца. И сейчас вы это узнаете. Да, да... сейчас... скоро...

— Ближе к делу, — сухо заметил майор.

— Ближе к делу? Извольте... Я вам скажу. Все, все... Но предупреждаю, что вы не воспользуетесь этими показаниями. Не понимаете? Не верите мне? А я говорю правду, сущую правду. Этого вы ведь и хотели от меня? Так вот: в нашей игре мы оба проиграли. Итак, — система? Моя система — это круги. Я прибыл в Ленинград и окружаю себя людьми: Семен, эти немцы — хозяйка дома...

— Воронов с племянником, — подсказал майор. — Ага... Вы уже пронюхали? Да, Воронов.

— А еще?

— Записывайте, гражданин следователь. Фрост из Электротока, Шварцер из Петрорайгужа, — начал он торопливо перечислять фамилии предателей, давая им хлесткие циничные характеристики, указывая адреса и приметы, — Записывайте. Это мой круг. Эти люди общаются со мной и больше никого не знают. Друг с другом они почти не знакомы. Кроме меня, есть в Ленинграде другие круги, в центре их — другие люди, но я о них ничего не знаю.

— Кто же руководит вами?

— Его здесь нет. Он за линией фронта и приедет сюда вместе с германской армией.

— Каким путем вас снабжают?

— Самолетом.

— Где сбрасывают груз?

— На Всеволожской, на совхозном поле.

— Есть определенный день?

— Мы вызываем самолет по радио.

— Где находится приемник?

— У Семена на чердаке. Там же спрятаны боеприпасы. Пишите скорей... Что вы еще хотите знать? Что я задушил свою собственную дочь... Что я пытал ваших людей...

— Об этом — в другой раз. Кроме ракет «зеленые цепочки», какие у вас еще были

задания?

— Откуда вы знаете о «зеленых цепочках»?

— Отвечайте.

— Да, были... Литейный мост мы взорвем в день штурма и отрежем отход... Мы собираем военные сведения и по радио передаем в штаб разведки. Составляем списки... Вам хочется иметь шифр? Да? Он у Шварцера, о котором я говорил, спрятан в несгораемом шкафу вместе с советскими документами. Мы уже начинаем путать свое с вашим... Скоро все будет наше.

— Почему вы убили вашего сообщника у Сиверской?

— Это вам тоже известно?.. Извольте, скажу. Ненадежен. Завербован был глупо и только под давлением страха согласился работать на нас. Я боялся, что в Ленинграде он передумает, зайдет к вам и продаст.

— Кто тот человек в военной форме, которому вы передали чемоданы на Сытном рынке?

— Э-э!.. Да вы действительно знаете меня. Старший сын этого немца.

— Все, что вы сказали, правда?

— Да. Сегодня я первый раз в жизни говорю правду, и то только потому, что перед лицом смерти не лгут.

— Вы сильно облегчили мне работу...

— Не радуйтесь... Все это вам ни к чему. Остались уже секунды... Устал...

Скажите, — сколько времени?

Майор посмотрел на осунувшееся лицо врага и сказал, отчеканивая каждое слово:

— Сейчас ровно пять минут шестого.

— Что? Чушь... У вас часы спешат.

— Сейчас проверю по другим, — невозмутимо сказал майор и, вынув из кармана другие часы, протянул их однорукому. — Убедитесь. На этих тоже пять минут шестого.

Шпион посмотрел на часы, потом на следователя, снова на часы и снова на следователя. На лице появилась болезненная улыбка.

— Это мои часы?

— Да. Я нашел их в картошке.

— Вы — сам сатана!.. Да, моя карта бита... Он долго сидел, опустив голову на грудь, и тяжело дышал. Затем медленно поднялся и, покачнувшись, ухватился рукой за спинку стула.

— Если бы вы знали, что пережил я... — с трудом произнес он. — Нет... нельзя умирать несколько раз... Я еще жив!

С этими словами он взмахнул стулом и что было силы бросил его в следователя. Удар пришелся в стену. Майор, понимая состояние врага, был готов к любой неожиданности.

— Замятин! — крикнул он, отскочив в сторону. Однорукий, оскалив зубы, приготовился к прыжку.

— Стреляю! — резко предупредил майор, вскинув пистолет.

— Стреляй!.. Я покойник! — закричал шпион и кинулся на майора.

В это время в комнату вбежали Замятин и двое красноармейцев. Они с трудом повалили его на пол. Однорукий бился в каком-то бешеном остервенении, выкрикивая непонятные слова.

— Держите его крепче. Это припадок, — сказал майор, пряча пистолет в кобуру.

Несколько минут однорукий продолжал корчиться, затем, обессиленный, затих, весь как-то обмяк и только изредка вздрагивал. Ему расстегнули ворот, дали воды.

— Оставьте его теперь, — приказал майор, когда шпион начал ровно дышать.

— Он уснет.

Сон продолжался недолго. Открыв глаза, шпион с недоумением посмотрел вокруг себя и встал как ни в чем не бывало.

— Кажется, у меня был припадок. Плохо... Я считал, что вылечился до конца. Последний припадок у меня был, если не ошибаюсь, в тысяча девятьсот двадцать девятом

году.

— Где вы лечились? — спросил обычным тоном майор.

— За границей. Вылечил меня известный германский профессор, и, между прочим, еврей.

— Вам нужно опять к нему обратиться.

— Слушаюсь. В первый же день, как только попаду на тот свет, разыщу непременно.

Пускай лечит.

Майор нахмурился и, пристально посмотрев на шпиона, спросил:

— Вы в состоянии идти?

— Да. Куда угодно.

— Товарищ Замятин, перенесите чемоданы в машину, а мы уведем арестованного.

22. СПАСЕНИЕ

Поздно ночью, во время третьей воздушной тревоги, пришли на подмогу моряки, расквартированные где-то на Карповке. Узнав, что в подвале засыпаны люди, они сменили уставших дружинников.

— Полундра! — выкрикивали два коренастых моряка, переваливая громадную глыбу цементированных кирпичей.

— А ну, корешок, еще раз... взяли!

Глыба рухнула. Работали без лопат — руками, разбрасывая кирпичи в разные стороны, не обращая внимания на зенитную стрельбу, сыпавшиеся кругом осколки. Под утро добрались до стенки подвала и взялись за ломы. Потные, грязные, в одних тельняшках, они без устали дробили, выворачивали камень, крепко спаянный и слежавшийся от времени.

— Полундра!

Это слово слышали в подвале.

— Краснофлотцы! — крикнул Степка. — Так моряки кричат.

Положение засыпанных было невыносимым. Они уже давно стояли на помосте по колено в холодной воде, а вода все продолжала прибывать. Дышать с каждым часом становилось трудней. Изнурительно-тяжелый, спертый воздух отнимал последние силы. Ноги онемели и, казалось, вот-вот подломятся.

В этот момент булькнули и зашумели падающие в воду камни. Через боковую стену подвала пробился ослепительный луч дневного света.

— Есть! — крикнул кто-то за стеной. В ответ ему вырвался радостный стон засыпанных. Кто-то сказал:

— Спокойно, товарищи. Оставайтесь на месте, вода глубокая.

Камни сыпались от могучих ударов лома, и отверстие расширялось. Наконец в окно просунулась голова, закрыв собой свет.

— Живые?

— Да, да... живые! Только тут много воды.

— Вода?... Это по нашей части... Темновато у вас. А сколько воды-то?

— Метра полтора.

— Значит, по горло... Ну, кто первый? Подходи — вытяну.

— Нельзя... — послышались голоса. — Я боюсь, что мы не дойдем. Тут есть очень слабые. Могут утонуть...

— Понятно... Сейчас сообразим. Далеко до вас?

— Метров десять.

— Есть метров десять... Сейчас.

Моряк вылез. В пробоину снова ворвался свет, а через несколько минут моряк

спустился в подвал на веревке.

— Трави, трави. Еще... Вот это ванна!.. Есть! Стою на полу. Отпускай теперь веревку. Вербка ослабла. По горло в воде, он побрел к помосту.

Вербку закрепили за столб, в подвал спустились еще трое моряков и начали вытаскивать еле живых от пережитого ужаса и страданий людей. Перебирая руками по веревке, поддерживаемые моряками, переходили они от помоста к пролому в стене, и тут их подсаживали наверх, передавая стоявшим снаружи.

Степка выбрался одним из первых. Щурясь от яркого дневного света, он посмотрел на хмурых, молчаливо стоявших кругом людей и улыбнулся во весь рот.

— Эй, доктор!.. Принимай молодого человека! — крикнул моряк, помогая Степке выбираться из воронки.

Женщина в белом халате поверх пальто затормошила Степку:

— Ранен? Где-нибудь болит?

— Нет, — сказал Степка все с той же улыбкой. — Холодно только.

Какой-то человек накинул ему на плечи пальто, а женщина сунула в руки теплую эмалированную кружку. Степка с наслаждением глотнул горячего кофе.

— Ты здесь и живешь? — спросила женщина. — Пойдем, я тебя провожу.

Последние часы, проведенные в подвале, страх, страдания притупили все чувства и мысли, а радость спасения захватила мальчика целиком. Он забыл о том, как и зачем попал на Геслеровский.

Предложение женщины вернуло Степку к мысли о вчерашнем вечере и о ракетчице. Она находилась, еще в подвале и, возможно, была жива.

— Нет, я подожду. Там у меня тетенька знакомая. Мы вместе пойдем, — отклонил предложение Степка и полез на груды кирпичей, где стояли люди.

Ему уступили место. Степка занял удобную позицию, откуда был виден пролом и вся работа по спасению.

Вытащили старика; мокрый, худой, со слипшимися волосами, он походил на безумного. Вслед за ним подняли женщину, за ней другую, третью, но ракетчицы между ними не было. Степка начал беспокоиться. Где же она? Неужели утонула? Перед его глазами разыгрывались потрясающие сцены: старуха-мать, стоявшая на куче кирпича, вдруг с криком бросилась к спасенной дочери; ребенок, которого вынес наверх какой-то мужчина, нашел наверху отца и на его вопрос: «А где мама?» — ответил: «Там», а через минуту, когда вытащили чужую женщину, от нее узнали, что его мать осталась «там» навсегда. Но ракетчицы не было.

Прошел час. Машины «Скорой помощи» увезли около тридцати человек. Степка потерял всякую надежду, но не уходил. Он был почему-то уверен, что мужчина, у которого остался его фонарик, вылезет последним. Так оно и вышло, но, прежде чем он вылез, моряки вытащили трех женщин, потерявших сознание. Между ними оказалась ракетчица. Как только Степка увидел ее, он вернул пальто рядом стоявшей женщине и, шатаясь от слабости, пошел следом за носилками к машине «Скорой помощи».

— Ну, а ты что? — спросил Степку врач.

— Можно мне с вами? Это моя знакомая...

— Ты бы лучше домой шел, паренек. Замерз ведь... Завтра придешь навестить.

— А куда вы ее повезете?

— В больницу Эрисмана. Знаешь?

— Знаю.

Когда машины уже ушли, Степка спохватился, что он даже в лицо-то не очень хорошо знает ракетчицу, не говоря уж об ее фамилии. Но было поздно.

— Ну, молодой друг, — услышал он сзади себя знакомый голос. — Вот твой фонарик. Мы с тобой, кажется, благополучнее всех отделались, а если не заболеем, то совсем будет хорошо. Пойдем ко мне лечиться за компанию. Затопят нам ванну, прогреемся и завалимся спать, и плевать мы хотим на немцев... Идем. Ты вообще молодец! Держался геройски, не

хныкал.

Степке польстила эта похвала. Он согласился пойти в гости к новому другу, и они быстро зашагали к Большому проспекту.

Час был ранний, и солнце освещало только трубы и крыши домов. Однако на улице было много торопившихся на работу пешеходов. Они с удивлением провожали взглядом до плеч мокрого мужчину и такого же мокрого мальчика, который вприпрыжку бежал рядом с ним.

— Как вас зовут, дяденька? — спросил Степка.

— Зовут меня Николай Васильевич. А тебя?

— Меня Степкой.

— Ну, а по отчеству?

— Григорьевич.

— Степан Григорьевич. Так. Между прочим, ты ведь давно выбрался из подвала, Степан Григорьевич. Кого ты ждал?

— А я вас ждал, Николай Васильевич.

— Меня? — удивился мужчина. — А!.. Фонарик!

— Нет. Фонарик мне не жалко. Возьмите, если надо. — Степка не хотел говорить, кого он ждал на самом деле.

В квартире Николая Васильевича жила его старуха-мать и сестра. Жена и двое детей, как он объяснил, были отправлены к родным на восток. Женщины еще спали, когда они позвонили.

— Ну, мама, встречай гостей.

— Где ты пропадаешь целыми ночами? — начала было добродушно ворчать старуха.

— Не ворчи. Мы из могилы вылезли. Чудом остались живы.

— Боже мой... Мокрые...

— Всю ночь на ногах в воде простояли. Если не за. бодем, то это будет вторым чудом.

Николай Васильевич коротко рассказал, где они пробыли всю ночь, и женщины захлопотали. Старуха принесла два теплых пушистых халата, заставила Степку раздеться и закутаться в халат, пока топилась ванна. Поминутно вытирая слезы и всхлипывая, она принесла, по просьбе сына, графин водки, кусок сала и каких-то лепешек.

— Степан Григорьевич, посмотри на нее. Почему она плачет? Все кончилось благополучно, мы живы, а она плачет. — Он налил водки себе и полрюмки гостю.

— За наше знакомство. Это тебе как лекарство. Пей смело.

Степка усмехнулся и выпил залпом, как это делал отец, но мгновенно вскочил со стула и замахал руками. Ему показалось, что он хватил какого-то удушливого газа, как это было с ним однажды в камере окуривания.

— Не в то горло попало, — смеясь сказал Николай Васильевич.

Минуты через две Степка отдышался. Он чувствовал теперь, как по всему телу разливается теплота и слабеют суставы. Глаза слипались, а уши словно ватой заложило.

— Николай Васильевич, а вы где работаете? — спросил мальчик.

— Я, милый мой, механиком работаю на большом судне. Подожди, кончится война, возьму тебя к себе, и пойдем колесить по земному шару. Ты бы хотел стать моряком?

— Мишка хочет моряком записаться.

— Какой Мишка?

— Мишка Алексеев. Я приведу его как-нибудь.

— Ну что ж, приведи. Если он вроде тебя, возьму...

— Он лучше, чем я... Он у нас главный начальник... — Степка запнулся, сообразив, что выбалтывает секрет.

Ванна у Николая Васильевича была большая, широкая. Они залезли оба, головами в

разные стороны, и долго сидели в горячей воде. Все лицо у Степки покрылось крупными каплями пота, он разомлел, распарился и незаметно уснул.

23. ЛИКВИДАЦИЯ КРУГА

Уже небо посветлело, когда майор уехал с арестованными. «Круг однорукого» оказался разомкнутым, и нужно было действовать без промедления, пока у врагов не появилось подозрений.

Бураков проводил майора и вернулся в дом попрощаться с хозяйкой.

— Валя, я должен идти, — с грустью сказал он, усаживаясь на стул. — Много работы. Большое вам спасибо...

— К чему благодарности? — перебила она. — Я вас скорей должна благодарить. Я себя чувствовала сегодня на передовой линии. Вообще я сегодня многое поняла, чему раньше не придавала значения. Скажите... они очень опасные люди?

— Да. Один какой-нибудь... вот, например, этот однорукий, стоит эскадрильи бомбардировщиков.

— У вас очень интересная работа, — с завистью сказала она. — И опасная.

Бураков поднялся.

— Опасная?.. Да. Интересная?.. Как и всякая другая, если к ней относиться добросовестно... Потом как-нибудь поговорим.

— Вы любите это словечко: «потом». Он с сожалением протянул ей руку.

— Увидимся, надеюсь... Разобьем немцев и тогда наговоримся. Не забывайте меня.

* * *

Мишка сидел на лавочке, закутанный в громадный тулуп, рядом с дежурным по улице, с которым час назад нарочно затеял ссору. Они давно помирились, тем более что мальчик догадался извиниться за свое озорство, чем сильно расположил к себе доброго старика. Теплый тулуп дед принес из дома, когда увидел, что мальчик не собирается уходить и милиционеры, пришедшие с ним, относятся к нему благосклонно. Зачем они пришли и что делают на улице, дежурный не интересовался. Любитель-пчеловод, он рассказывал своему новому знакомцу о пчелах.

— Пчела — очень справедливое насекомое. Вот, к примеру: если какая беда стряслась, пчела не станет рассуждать, кому в бой кидаться. Всадит свое жало, даром что после этого погибнуть должна... Себя не жалеет. Они очень даже общественные.

Из переулка вышел Бураков с тремя красноармейцами. Мишка узнал его по походке, выскользнул из тулупа и, не дослушав старика, побежал навстречу.

— Товарищ Бураков, все в порядке. Он дома сидит, никуда не ушел. Я сам дежурил.

— Здравствуй, Миша. Ты про кого говоришь? — А про этого... про шофера.

— Жена его дома сидит, — это верно. А сам он давно ушел.

— Да нет... Я вам головой ручаюсь, что тут...

— Не ручайся никогда головой. Шофера уж с полчаса как увезли. Где лейтенант милиции?

Озадаченный таким ответом, Мишка привел Буракова к забору, где спрятался лейтенант. Все вместе они поднялись на крыльцо и постучали в двери.

Жена шофера, уверенная в том, что это вернулся ее муж, сразу открыла дверь и, увидев милицию, обомлела.

Во время обыска она неподвижно сидела на табуретке около печки, придерживая рукой за ошейник собаку, и на все вопросы отвечала:

— Я ничего не знаю.

Когда Бураков с красноармейцами спустили с чердака радиостанцию, смонтированную в двух чемоданах, оружие, пакеты со взрывчаткой, она заплакала.

* * *

К вечеру весь «круг однорукого», все названные им лица находились под надежной охраной. Захвачены были радиопередатчик, оружие, шифр, чемоданы с ракетами и адскими машинами. Следователи допрашивали арестованных, и они, прижатые к стенке вещественными доказательствами и известными фактами, махнули на все рукой и сознавались.

Дело подходило к концу. Особенных сюрпризов ждать не приходилось, и майор, проделав эту невероятную по напряжению работу, решил отдохнуть. Он буквально валился с ног от усталости и бессонных ночей; Кроме того, хотелось повидать родных. Майор набрал номер телефона.

— Алло! Это кто? Мама... Собираюсь к вам приехать... Замучился. Ну, конечно, переночую. Николай дома? Спит? Почему? Хорошо, потом расскажешь. Я выезжаю минут через десять.

24. БОРЬБА ПРЕДСТОИТ ЕЩЕ ДОЛГАЯ

Проснулся Степка на мягком диване и долго не мог сообразить, как он попал в эту незнакомую, хорошо обставленную комнату.

На стуле около дивана он увидел аккуратно сложенную одежду и сначала не признал ее. Вымытая и выглаженная рубашка с новой заплаткой на рукаве совсем не походила на ту, что он снял вчера. Пушистый халат, надетый вместо белья, кое-что напомнил, и постепенно в памяти начали восстанавливаться последние минуты перед сном, а дальше все тонуло в какой-то черной пропасти, вроде той, куда он провалился, потеряв сознание при взрыве бомбы.

Перед тем как проснуться, слышал он знакомые голоса.

— Вот он, полюбуйся, — сказал один знакомый мужской голос.

— А ведь я его знаю, Коля, — сказал другой и тоже очень знакомый голос.

— Ты всех знаешь...

— Знаю. Степаном зовут.

— Точно. Степан Григорьевич Панфилов.

— Беспокоился я за него. Ну, пускай спит.

Это было все, что мог вспомнить Степка после пробуждения. Вероятно, разговор этот ему приснился, подумал он.

В квартире стояла тишина. Небрежно задернутые шторы пропускали широкую полосу дневного света. Степка решил, что времени еще немного и он успеет засветло вернуться домой и застать мать.

Скрипнула дверь, и на пороге показался улыбающийся, чисто выбритый, в форменном кителе и домашних туфлях Николай Васильевич.

— Ну что, проснулся, Степан Григорьевич?

— Ага! Проснулся, — потянувшись, сказал Степка и спустил босые ноги с дивана.

Его новый друг, шлепая туфлями по полу, подошел к окну и распахнул шторы.

— Погодка сегодня хорошая! Больше не хочешь спать?

— Нет. Я выспался.

— А то бы еще соснул, для ровного счета, денек.

— Надо домой. Наверно, уж поздно.

— Ты хочешь сказать, — рано?

Степка внимательно посмотрел на механика, стараясь угадать, шутит он или говорит серьезно. Его новый друг имел привычку шутить в самые трагические моменты, как это мальчик понял еще в подвале, и говорить улыбаясь о серьезных вещах.

— Который теперь час? — спросил Степка.

— Скоро восемь.

— Как это восемь? — недоверчиво сказал он, покосившись на окно. — В восемь часов темно уже нынче. Нет, верно, Николай Васильевич, сколько времени?

Вместо ответа механик достал из кармана часы и показал их мальчику. Стрелки показывали без десяти минут восемь.

— Знаешь, милый мой, сколько ты спал? Сутки. Да, да — ровно сутки, — от утра до утра. Я тоже не отставал. С маленьким перерывом столько же провалялся на кровати. Ну, идем чай пить.

Степка стал одеваться, а Николай Васильевич, закулив папиросу, развалился в кресле напротив.

— Сколько же ты во сне немецких шпионов поймал? — неожиданно спросил он.

— Каких шпионов?

— Немецких. Парашютистов или ракетчиков, — я не знаю, как они называются. Это ведь по твоей специальности...

— А вы... Я не знаю, про что вы говорите, — сказал Степка краснея.

— Да ты же во сне кричал на весь дам: «Держите их! Держите ракетчицу!»

— Не думаю, — невозмутимо сказал мальчик. — Не имею привычки кричать во сне.

— Вот одного только не могу понять... Как это ты, старый чекист, вместо того чтобы ракетчиков ловить, в подвал попал? А между прочим, пока мы с тобой в подвале сидели, твой приятель Мишка действительно поймал настоящего шпиона.

Степка не верил своим ушам. С одной стороны, было обидно слушать незаслуженный упрек, с другой — было непонятно, откуда мог знать такие вещи Николай Васильевич.

— А вы откуда знаете, зачем я в подвал пошел? Думаете, испугался?

— Похоже на то...

— Вы же тоже в подвале спрятались.

— Спрятался. Надо сознаться, нервы не выдержали. Завернул.

— А я совсем даже не потому.

В это время в коридоре раздались шаги. Степка оглянулся и совершенно оторопел от изумления. В комнату вошел высокий плотный человек с седыми висками, и на нем, вместо знакомой формы, был надет халат.

— Ну, здравствуй, Степа. Не ожидал меня здесь встретить? Бывает, бывает. С братом моим ты уже успел познакомиться.

— Товарищ майор! — обрадовался Степка. — Вы же мне вот как нужны! Я же вам звонить собирался.

— Ну звони, Я слушаю.

— Да вот... — покосившись на механика, пробормотал мальчик.

— Ничего, говори. При нем можно.

— Так я же ракетчицу нашел! Степка торопливо рассказал свои приключения страшной ночи и описал наружность ракетчицы.

— Где же она теперь?

— Ее в больницу Эрисмана увезли.

— А ты узнаешь, если увидишь ее?

— Попробую.

— Что ж ты мне раньше, Степан, не сказал? — вмешался в разговор механик.

— Вы же ее спасли, Николай Васильевич.

— Да ну?! Вот не знал!.. Ну, пойдем умываться, Степан Григорьевич, — сказал механик, дружески хлопнув мальчика по плечу. — Жаль, что ты не хочешь моряком стать. Я б из тебя первоклассного моряка сделал.

Умывшись, Степка попал в столовую и чинно поздоровался с женщинами. Ему очень

хотелось есть, но он стеснялся. В чужом доме, среди взрослых людей, он чувствовал себя неуклюже. От смущения пролил горячий чай на скатерть, уронил бутерброд и готов был заплакать от досады, но, видя, что никто не замечает его неловкости, мало-помалу освоился и стал уплетать подряд все то, что заботливо и незаметно подкладывала ему старушка.

* * *

В приемной больницы Эрисмана Степка долго сидел в ожидании майора, который ушел узнавать, в какой палате лежат привезенные вчера с Геслеровского, и получить разрешение на посещение больных. Вернулся он с каким-то человеком в белом халате. Степке и майору пришлось тоже надеть белые халаты.

Завязывая тесемки, майор отозвал мальчика к окну и тихо объяснил задачу.

— Слушай внимательно. Мы пойдем мимо коек, и ты смотри. Как только узнаешь ее, остановись около кровати и нагнись, будто у тебя шнурок развязался на ботинке. Понял?

— Да.

В белом халате, наглухо завязанном, майор походил на профессора. Степке халат был велик, полы его путались в ногах, и он часто наступал на них.

Ракетчицу Степка увидел, как только они вошли в палату. Он даже не думал, что так сразу узнает ее в лицо. Она сидела на кровати рядом с полной женщиной, у которой все лицо было забинтовано. Больничная одежда сильно изменила ее, но, поравнявшись с койкой, мальчик проверил себя и, убедившись окончательно, нагнулся перевязать шнурок.

Майор и сопровождавший их мужчина прошли дальше, и, когда Степка догнал их, они разговаривали с дежурной сестрой. Через несколько минут стали известны фамилия, имя, отчество и адрес ракетчицы.

На улице майор попрощался с мальчиком.

— Сейчас иди домой. Приятели, наверно, ищут тебя, с ног сбились, и мать беспокоится. Вечером я позвоню.

— Я сегодня опять пойду дежурить! — сказал Степка.

— Ну конечно. Борьба предстоит еще долгая. Это только начало.

Шагая по широкому проспекту, среди густого потока людей, Степка независимо поглядывал по сторонам и думал о последних словах майора: «Борьба предстоит еще долгая».

На душе было легко и хорошо. Он нашел свое место в этой борьбе, и его желание казаться взрослым осуществилось. Не оттого, что он важно курил и давился дымом или, как попугай, ругался, а оттого, что, как взрослый, помогал общему делу и с ним считались, его уважали, и он был нужен.

Все складывалось прекрасно. Мишке он несет замечательное знакомство, от которого может зависеть дальнейшая судьба друга. Он шел, раздумывая о своем будущем и о будущем своих друзей. Он верил в победу, знал, что она не за горами и что жизнь пойдет по-прежнему, и даже еще полнее и интереснее.

«А что, если и мне все-таки стать моряком?» — озабоченно думал Степка.